„ЧТО ТАКОЕ ЖИЗНЬ"

РЕЛИГІОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

ПРОФЕССОРА МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

Протоіерея А. М. Иванцова-Платонова.

ПОСВЯЩАЕТСЯ МОЛОДЫМЪ ЛЮДЯМЪ, ВСТУПАЮЩИМЪ ВЪ ЖИЗНЬ САМОСТОЯТЕЛЬНУЮ.

ИЗДАНО ПО СОГЛАШЕНІЮ СЪ АВТОРОМЪ, МОСКОВСКОЮ КОММИССІЕЮ БРАТСТВА ПРЕПОДОБНАГО СЕРГІЯ

въ пользу нуждающихся бывшихъ воспитанниковъ московской духовной академіи.

Рекомендовано Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. для фундам. и ученич. библ. средне-учебн. завед.

Рекомендовано Главнымъ Управл. Военно-учебн. завед. для чтенія юнкерамъ и для пріобр. въ фунд. библіотеки.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

МОСКВА.

Изданіе книгопродавца А. Д. Ступина.

1899.

Библиотека "Руниверс"

Въ коммиссіи Братства Преподобнаго Сергія

(при Московской Духовной Семинаріи на Садовой, въ Карет. ряду),

въ пользу нуждающихся бывшихъ воспитанниковъ Московской Духовной Академіи,

продаются слѣдующія сочиненія Профессора Московск. Университета *Протоіерея А. М. Иванцова-Платонова:*

1. **За двадцать лѣтъ священства** (1863—1883 гг.) **Слова и Рѣчи.** Цѣ ...иженная) 2 руб., съ пересылкою 2 руб. 50 коп.

2. **О римскомъ католицизмѣ и его отношеніяхъ къ православію.** 2 част... ...а (пониженная) 1 руб. 50 коп., съ пересылкою 1 руб. 80 коп.

3. **Поученіе воспитанникамъ Александровскаго Военнаго Училища въ недѣ... говѣнія.** Цѣна 20 коп.

4. **Поученіе о благотвореніи.** Цѣна 20 коп.

5. **Указатель библейскихъ чтеній изъ книгъ В. З. для среднихъ учебны... заведеній.** Цѣна 10 коп.

6. **Богословскія науки.** Изъ библіографическаго сборника „**Книга о книгахъ**... Цѣна 20 коп.

7. **Религіозно-нравственная, научно-богословская и церковно-историческ... библіотека для образованныхъ людей.** Цѣна 15 коп.

8. **Объ открытіи вспомоществованія нуждающимся, бывшимъ воспитанника... Московской Духовной Академіи.** Цѣна 10 коп.

9. **Къ изслѣдованіямъ о Фотіѣ, патріархѣ Константинопольскомъ.** Рѣ... произнесенная въ торжественномъ Собраніи Императорскаго Московскаго Ун...верситета, съ приложеніями. Цѣна 2 р., съ пересылкою 2 р. 50 к.

10. **О Фотіѣ, патріархѣ Константинопольскомъ.** Рѣчь безъ приложен... Цѣна 20 коп.

Тамъ же и у книгопродавца А. Д. Ступина продаются вновь изданн... сочиненія того же автора:

11. **„Что такое жизнь?“** Религіозно-философское изслѣдованіе. Цѣна 40...

12. **О нашихъ нравственныхъ отношеніяхъ и обязанностяхъ къ семьѣ, шко... обществу, товарищамъ, начальникамъ, сослуживцамъ и подчиненнымъ, къ сво... народу и государству, къ цѣлому человѣчеству и св. Церкви.** Цѣна 30 коп...

13. **Истинное понятіе о чести и фальшивыя представленія о ней.** Ц. 20...

14. **О западныхъ вѣроисповѣданіяхъ.** Цѣна 70 коп.

15. **Христіанское ученіе о любви къ человѣчеству, сравнительно съ кр...ностями соціалистическихъ ученій.** Ц. **50** к., съ перес. **60** к.

Библиотека "Руниверс"

„ЧТО ТАКОЕ ЖИЗНЬ“

РЕЛИГІОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

ПРОФЕССОРА МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

Протоіерея А. М. Иванцова-Платонова.

ПОСВЯЩАЕТСЯ МОЛОДЫМЪ ЛЮДЯМЪ, ВСТУПАЮЩИМЪ ВЪ ЖИЗНЬ САМОСТОЯТЕЛЬНУЮ.

ИЗДАНО ПО СОГЛАШЕНІЮ СЪ АВТОРОМЪ, МОСКОВСКОЮ КОММИССІЕЮ БРАТСТВА ПРЕПОДОБНАГО СЕРГІЯ

въ пользу нуждающихся бывшихъ воспитанниковъ московской духовной академіи.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

Рекомендовано Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. для фундам. и ученич. библ. средне-учебн. завед.
Главнымъ Управл. Военно-учебн. завед. для чтенія юнкерамъ и для пріобр. въ фунд. библіотеки.

МОСКВА.
Изданіе книгопродавца А. Д. Ступина.
1899.

Библиотека "Руниверс"

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва, ноября, 12-го дня, 1898 года.

Цензоръ, священникъ *Александръ Гиляр*

Типографія Варвары Гатцукъ. Болотная площадь, д. Бахрушиныхъ.

Библиотека "Руниверс"

Предисловіе къ первому изданію.

Религіозно-философское изслѣдованіе о жизни составлено было въ 1867 году для бывшихъ учениковъ автора, окончившихъ курсъ воспитанниковъ IV выпуска Александровскаго Военнаго училища, и тогда же было напечатано въ *Православномъ Обозрѣніи* (іюльская книжка) и отдѣльными оттисками. Потомъ оно было перепечатано въ *Собраніяхъ словъ и рѣчей протоіерея А. М. Иванцова-Платонова* за первое десятилѣтіе священства въ 1873 году и за двадцать лѣтъ священства въ 1883 году. Съ выходомъ послѣдняго Сборника изслѣдованіе «Что такое жизнь» было вновь перепечатано отдѣльною брошюрой, въ значительномъ количествѣ экземпляровъ, *съ посвященіемъ молодымъ людямъ, по окончаніи курса воспитанія вступающимъ въ жизнь самостоятельную*. Но въ настоящее время вся эта брошюра изъ продажи вышла и самый Сборникъ «за 20 лѣтъ священства» лишь въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ остается въ распоряженіи Московской Коммиссіи Братства преподобнаго Сергія, которой протоіерей Иванцовъ-Платоновъ пожертвовалъ большую часть своихъ сочиненій въ пользу нуждающихся бывшихъ воспитанниковъ Московской Духовной Академіи. Между тѣмъ на брошюру «Что такое жизнь» доселѣ продолжается большой спросъ отъ людей, интересующихся религіозно-философскими вопросами. Поэтому Коммиссія Братства и нашла нужнымъ

Библиотека "Руниверс"

вновь переиздать эту брошюру (и нѣсколько другихъ пожертвованныхъ ей для той же благотворительной цѣли), войдя въ соглашеніе съ книгопродавцемъ А. Д. Ступинымъ. Авторъ же предложилъ въ концѣ этого изданія для пособія, большинству читателей въ усвоеніи широкаго и разнообразнаго содержанія трактата о жизни, прибавить краткое обозначеніе раскрывающихся въ немъ главныхъ положеній.

15 октября 1893 года.

Библиотека "Руниверс"

„ЧТО ТАКОЕ ЖИЗНЬ“.

Скажи мнѣ, Господи, путь, воньже пойду!

I.

При окончаніи курса воспитанія, при вступленіи въ жизнь самостоятельную, ваши молодыя головы естественно наполняются мечтами и представленіями о жизни, молодыя сердца горятъ желаніемъ скорѣе извѣдать пріятныя и, пожалуй даже, непріятныя стороны жизни и взять отъ нея на свою долю, что только можно будетъ, лучшаго и пригоднаго для себя. При этомъ, конечно, у многихъ изъ васъ возбуждается вопросъ о томъ, что же такое въ своей сущности эта жизнь, которую прошли прежде васъ тысячи поколѣній и несчетные милліоны людей и послѣ васъ пройдутъ можетъ быть еще болѣе поколѣній и милліоновъ,—какъ смотрѣть на нее, чего искать въ ней, какой ея смыслъ и какая цѣль? Очень естественно вамъ, въ настоящій важный моментъ вступленія въ жизнь самостоятельную, задаваться этимъ серьезнѣйшимъ и существеннѣйшимъ для человѣка вопросомъ, чтобы сколько нибудь уяснить его себѣ, и на основаніи этого такъ или иначе опредѣлить свои отношенія къ жизни.

Съ самыхъ первыхъ временъ существованія рода человѣческаго много людей занималось рѣшеніемъ этого вопроса. И много крѣпкихъ умовъ поколебалось, и много благород-

Библиотека "Руниверс"

нѣйшихъ сердецъ разбилось въ сомнѣніи и отчаяніи при безвыходныхъ трудностяхъ въ разъясненіи этого вопроса. Много съ незапамятныхъ временъ сохранилось и отвѣтовъ на этотъ вопросъ—для памяти и поученія позднѣйшимъ поколѣніямъ, отвѣтовъ, придуманныхъ глубокими умами, выстраданныхъ горячими сердцами. Но мало подвинулось впередъ разъясненіе вопроса. Вопросъ по прежнему стоитъ въ своей грозной силѣ и неотразимой увлекательности. Иногда въ человѣчествѣ, изнемогающемъ въ безплодныхъ усиліяхъ приблизиться къ рѣшенію его, является желаніе какъ бы отдѣлаться, убѣжать отъ этого вопроса, отвести глаза, забыть, уничтожить его, вырвать изъ глубины ума и сердца. Но напрасная попытка! Заглушаемый въ одной сферѣ жизни, роковой вопросъ съ неотразимою силою возстаетъ въ другой, и за всякое намѣренное, или ненамѣренное равнодушіе къ нему извѣстной исторической эпохи или извѣстнаго поколѣнія, люди послѣдующей эпохи, другаго поколѣнія, а иногда и того-же самаго, платятъ усиленнымъ болѣзненно-распаленнымъ напряженіемъ къ его разъясненію. И чувствуется человѣку во глубинѣ его ума и сердца, что ему никогда не отдѣлаться отъ этого неотразимаго вопроса, что онъ не можетъ забыть, стереть, уничтожить его, не отказавшись отъ своей собственной сущности, не переставъ быть человѣкомъ, не сдѣлавшись животнымъ безмысленнымъ. И Богъ знаетъ,—сколько вѣковъ пройдетъ еще въ безплодныхъ попыткахъ къ рѣшенію этого вопроса, сколько умовъ помрачится и сердецъ разобьется отъ его неразрѣшимыхъ трудностей...

А между тѣмъ есть и такой отвѣтъ на этотъ вопросъ, который разрѣшаетъ его трудности, примиряетъ противорѣчія, уясняетъ его по крайней мѣрѣ настолько, насколько это нужно для существенныхъ потребностей человѣка,—отвѣтъ поразительный по своей простотѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ по своей глубинѣ и высотѣ. И этотъ отвѣтъ тѣмъ болѣе долженъ бы внушить довѣріе къ себѣ, что онъ не слабымъ умомъ человѣческимъ измышленъ, а открытъ человѣку

Библиотека "Руниверс"

самимъ Богомъ—въ Его св. откровеніи, засвидѣтельствованъ и подтвержденъ несомнительными доводами,—не словами и произвольными теоріями и предположеніями, а безчисленными знаменіями сверхъ-естественной Божіей силы и жизнью великихъ свидѣтелей Божественнаго откровенія. Людямъ, кажется, оставалось бы съ искреннею радостью и всецѣлымъ довѣріемъ принять этотъ отвѣтъ, по возможности выразумѣть и разъяснить его для себя, провести по всѣмъ сочетаніямъ своей мысли, объединить и освѣтить имъ свои убѣжденія и воззрѣнія и принять его къ руководству въ направленіи самой жизни. Но многіе изъ людей не желаютъ этого:—иные по невѣдѣнію отвергаютъ Божественную истину, другіе (къ чести или не къ чести для ихъ ума, только не къ счастью для ихъ сердца) намѣренно стараются отвращать свои глаза отъ нея потому, что она дается человѣку отвнѣ, (хотя она вовсе не чуждая человѣку истина, а вполнѣ согласная съ глубокимъ сознаніемъ его собственной души);—имъ непремѣнно хочется своими усиліями, своимъ умомъ открыть себѣ тайну и освѣтить сущность жизни,—хотя на основаніи чужихъ опытовъ и неотразимаго сознанія очевидной ограниченности своего ума, они необходимо должны сознавать въ глубинѣ своей совѣсти, что этого они никогда не могутъ достигнуть. И этимъ-то они сами себя осуждаютъ на безконечное исканіе безъ цѣли обрѣтенія, на безконечное блужденіе безъ надежды успокоенія,—которое въ людяхъ наиболѣе ограниченныхъ и неглубокихъ оканчивается притупленіемъ и уничиженіемъ высшихъ порывовъ ума и сердца—равнодушіемъ къ высшимъ вопросамъ и интересамъ жизни,—а въ умахъ наиболѣе глубокихъ и послѣдовательныхъ, въ сердцахъ горячихъ и впечатлительныхъ разрѣшается нерѣдко безвыходнымъ скептицизмомъ, мрачнымъ отчаяніемъ, потерею всякаго наслажденія—всякаго вкуса въ жизни, потерею, можно сказать, самаго права на жизнь.

Итакъ, вотъ передъ вами два пути жизни. Одинъ путь вѣры и преданности Божественному Промыслу, когда чело-

Библиотека "Руниверс"

вѣкъ сознаетъ ограниченность своихъ силъ, необъятную тяжесть жизненныхъ задачъ и предаетъ себя водительству высшей Божественной Руки, освѣщаетъ для себя свѣтомъ вѣры таинственный мракъ жизни, и скромно, но вѣрно и твердо—безъ гордости, но и безъ самоуничиженія, безъ крайней самоувѣренности, но и безъ малодушнаго унынія и отчаянія—съ вѣрою, надеждою и любовію идетъ къ существенной цѣли жизни. Другой путь - гордой, но безсильной и безпомощной самоувѣренности, когда человѣкъ не хочетъ принимать себѣ въ руководство Высшей помощи и освѣщать для себя путь жизни даруемымъ ему свѣтомъ вѣры,—въ этой страшной мглѣ, покрывающей тайну жизни, хочетъ настолько изощрить зрѣніе своего собственнаго ума, чтобы видѣть сокровенный смыслъ бытія, безъ всякаго высшаго озаренія,—на тернистомъ и скользкомъ жизненномъ пути хочетъ научиться стоять и ходить безъ всякой посторонней опоры.—И естественно обманывается; принимаетъ блуждающіе огоньки, обманчивый призракъ смертнаго разложенія за немерцающій свѣтъ истины и жизни, принимаетъ вязкое болото житейскихъ страстей за твердую почву; и заблуждается, и претыкается, и падаетъ, и безпрестанно переходитъ отъ самообольщенія къ унынію, отъ унынія къ самообольщенію—до тѣхъ поръ, пока, выбившись изъ силы, не упадетъ совсѣмъ въ безчувственномъ оцѣпенѣніи и въ мрачномъ отчаяніи...

Впрочемъ есть и еще одинъ путь жизни.—Это тотъ путь, когда человѣкъ безъ усилій и борьбы, заранѣе, съ первымъ пробужденіемъ самостоятельности и сознанія, уничижаетъ свое достоинство, обрекаетъ свою жизнь на безмысліе и ничтожество;—когда человѣкъ, разъ навсегда, безъ труда и напряженія мысли,—рѣшивъ для себя, что сокровенный смыслъ и высшая цѣль жизни недоступны для него, отказывается даже отъ всякой попытки сколько-нибудь прояснить для себя этотъ мракъ жизни свѣтомъ ли самостоятельной мысли, или свѣтомъ вѣры, — а чтобы

Библиотека "Руниверс"

лучше освободиться отъ тяжелаго впечатлѣнія этого мрака, самъ закрываетъ свои глаза, старается заглушить въ себѣ высшіе вопросы и стремленія духа; — живетъ, какъ случится, удовлетворяя главнымъ образомъ низшія потребности и страсти своей животной натуры, —думаетъ о чемъ случится, на что натолкнутъ его мысль внѣшнія обстоятельства; живетъ, не давая себѣ отчета въ смыслѣ и цѣли жизни и не задумываясь надъ тѣмъ, чѣмъ она кончится,—живетъ какъ во снѣ, увлекаясь непроизвольно и безсознательно приливомъ и отливомъ непрестанно смѣняющихся видѣній и иллюзій, не имѣющихъ ни реальнаго смысла, ни внутренней связи,—блуждаетъ и толкается, какъ слѣпой на торжищѣ жизни и остается еще очень доволенъ такою жизнью. Но такая жизнь недостойна человѣка,—болѣе свойственна безсловеснымъ животнымъ, нежели человѣку. Ибо человѣкъ тѣмъ главнымъ образомъ и отличается отъ животныхъ и всей безсмысленной природы, въ томъ его преимущество и право господства надъ безсмысленной природой, что онъ есть существо самосознающее и самоопредѣляющееся. Человѣку нужно не только жить, но и давать себѣ отчетъ о смыслѣ и цѣли жизни, не только дѣлать что-нибудь, но и собственнымъ убѣжденіемъ и волею давать смыслъ и направленіе своей дѣятельности. И притомъ мы думаемъ, что сколько бы ни старался человѣкъ сдѣлаться животнымъ—огрубѣть и опошлѣть, заглушить сознаніе и всѣ высшія стремленія духа,—этого ему никогда не удастся окончательно сдѣлать: человѣческая натура сказывается по временамъ, безпокойные вопросы о смыслѣ и цѣли жизни возмущаютъ животное самодовольство самой грубой и лѣнивой натуры,—потребность убѣжденій относительно высшихъ вопросовъ жизни есть и сказывается во всѣхъ людяхъ. Иногда человѣку напоминаетъ о нихъ и сама жизнь, своими толчками и превратностями невольно выводящая человѣка изъ произвольнаго забытья и пробуждающая его осмотрѣться въ его непрочномъ положеніи. Въ особенности, мы думаемъ, эти тревожные вопросы должны пробудиться у каждаго при концѣ

Библиотека "Руниверс"

жизни,—ибо дошедши до конца, каждому, самому равнодушному къ высшимъ вопросамъ, естественно спросить себя, что же далѣе — за этимъ концомъ? И кажется даже, что у людей, которые въ обычное время, большую часть жизни не привыкли, не любятъ думать объ этихъ вопросахъ и серьезно относиться къ нимъ, тѣмъ съ большею силою, тревогою и мученіемъ поднимаются эти вопросы, когда имъ приходитъ время возстать изъ глубины сдавленной души. Вотъ почему, при необычайныхъ превратностяхъ жизни, или предъ страхомъ смерти, люди самые равнодушные впадаютъ въ болѣзненную боязливость, легкомысленные и немыслящіе задумываются до сумасшествія, невѣры дѣлаются суевѣрами, самодовольные доходятъ до унынія и отчаянія, жестокіе и дерзкіе дѣлаются робкими и трусливыми. Въ такія-то времена счастливѣе и тверже оказывается тотъ, для кого превратности жизни и страхъ смерти не бываютъ неожиданностью, кто заранѣе думалъ о нихъ, ставилъ себѣ опредѣленное убѣжденіе и приготовился ко всему, что можетъ случиться съ нимъ въ жизни и послѣ настоящей жизни. Такимъ образомъ для всякаго человѣка, желаетъ онъ этого, или не желаетъ— склоненъ онъ къ этому или несклоненъ,—открывается необходимость серьезно поставить предъ собою эти вопросы о смыслѣ и цѣли жизни, и такъ или иначе прояснить ихъ для себя усиліями ли собственной мысли, или свѣтомъ вѣры,— составить себѣ о нихъ опредѣленныя убѣжденія религіозныя, или философскія, самостоятельно выработанныя, или отъ другихъ усвоенныя, — съ тѣмъ, чтобы эти убѣжденія давали опредѣленный смыслъ и направленіе жизни.

Поставимъ же прямо и серьезно предъ собою эти вопросы и посмотримъ, какіе отвѣты даютъ, т. е. какія воззрѣнія на жизнь даютъ человѣку самостоятельная человѣческая жизнь и Божественное откровеніе.

Мысль человѣческая, какъ мы уже сказали, отъ самаго начала, отъ самаго такъ сказать рожденія своего много занимавшаяся этимъ вопросомъ, придумала на него нѣсколько

Библиотека "Руниверс"

весьма разнообразныхъ отвѣтовъ. Отвѣты эти сдѣлались достояніемъ человѣчества, и мысль человѣчества, смотря по обстоятельствамъ времени и характеру развитія своего, въ извѣстныя времена даетъ предпочтеніе то одному, то другому изъ нихъ. Воззрѣнія эти временами видоизмѣняются, принимаютъ различныя формы и оттѣнки въ своемъ выраженіи и примѣненіи, но въ сущности остаются тѣми же, какими издавна они явились въ мысли человѣчества. Въ волѣ каждаго выбрать себѣ въ руководство для жизни одно изъ такихъ воззрѣній, или не удовлетворяться ни однимъ изъ нихъ.

II.

«Жизнь, говорили нерѣдко, есть наслажденіе, пиръ веселый, торжище богатое, на которомъ всякій можетъ найти, что нужно. Нѣтъ надобности искать въ ней высшихъ отдаленныхъ цѣлей и сокровеннаго смысла. Она сама себѣ цѣль, наслажденіе ею есть ея прямой и высшій смыслъ. Пользуйся живущій жизнью, не задумываясь надъ ея смысломъ,— пользуйся настоящимъ, не заботясь о будущемъ. Спѣши захватить себѣ на этомъ пирѣ жизни, сколь возможно, болѣе удовольствій». Вотъ философія, которая должна быть особенно пріятна молодымъ умамъ, еще мало ознакомившимся съ жизнью, молодымъ сердцамъ мало охлажденнымъ жизнью... И какъ будто въ самой природѣ человѣческой есть основаніе для такой философіи, сочувствіе къ такого рода воззрѣніямъ на жизнь. Откуда въ человѣкѣ такая глубокая, неискоренимая и сильнѣйшая всякой другой любви, любовь къ жизни, если въ жизни не заключается величайшее для человѣка благо? Отчего всѣ люди—безъ исключенія можно сказать—цѣлью своей жизни поставляютъ исканіе счастья, только различнымъ образомъ представляемаго людьми, если счастіе не есть въ самомъ дѣлѣ цѣль жизни?

Библиотека "Руниверс"

Но гдѣ же эта цѣль? Гдѣ это счастье безъ горя и страданій, утратъ и лишеній, трудовъ изнурительныхъ и неудачъ, болѣзней и смерти?... Есть ли, былъ ли за тысячи лѣтъ среди милліоновъ людей хоть одинъ человѣкъ, который могъ бы сказать о себѣ, что онъ достигъ этой цѣли? Былъ ли хоть одинъ человѣкъ, который бы по крайней мѣрѣ узналъ самъ и другимъ сказалъ, что такое счастье и гдѣ оно и какъ его найти?... Вначалѣ, правда, каждый человѣкъ идетъ на жизнь съ бодростью и надеждою, какъ бы на веселый пиръ, или на богатое торжище. Но сама жизнь разбиваетъ и разрушаетъ то свѣтлое представленіе о ней, которое хотѣлось бы и пріятно было бы имѣть всѣмъ людямъ, но которое оказывается несогласнымъ съ дѣйствительностью. Кто испытывалъ въ жизни однѣ радости, кто находилъ въ ней все, чего искалъ и желалъ? Кто испытывалъ въ жизни хоть одну радость чистую и полную, безъ всякой примѣси охлажденія или горечи, кто считалъ себя вполнѣ удовлетвореннымъ и счастливымъ даже и при достиженіи своихъ желаній и цѣлей? Много препятствій къ достиженію счастія, къ удовлетворенію желаній, представляется человѣку отвнѣ, — въ противодѣйствующихъ силахъ природы, во враждебныхъ обстоятельствахъ среды, въ недостаткѣ и ограниченности собственныхъ силъ; но еще болѣе препятствіемъ къ достиженію счастія служитъ то, что человѣкъ не находитъ счастія даже и въ удовлетвореніи своихъ желаній. Источникъ недовольства и неудовлетворимости, жажды, тоски и страданія человѣкъ находитъ не внѣ, а внутри себя. Намъ часто кажется, что наше недовольство зависитъ отъ того, что у насъ нѣтъ того и того. А навѣрное, еслибы и все это было, мы не перестали бы быть недовольными. Еслибы жизнь со всѣхъ сторонъ улыбалась человѣку, еслибы онъ не имѣлъ никакихъ внѣшнихъ причинъ и предлоговъ къ жалобѣ и страданію, навѣрное онъ самъ себѣ сталъ бы измышлять предметъ и предлогъ для жалобы и страданія. Такъ это и бываетъ на самомъ дѣлѣ. Тяжелый гнетъ крайней нужды, непосильнаго труда, мучительной болѣзни, горь-

Библиотека "Руниверс"

кой утраты, обиднаго униженія и стѣсненія естественно выдавливаетъ изъ груди человѣка стонъ жалобы и страданія. Но иногда мы видимъ напротивъ, что болѣзненная наклонность къ чрезмѣрной требовательности и раздражительности, къ жалобѣ, тоскѣ и страданію, развивается въ людяхъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе ласкаетъ ихъ жизнь, чѣмъ менѣе возмущается ихъ покой и довольство тяжелыми трудами и болѣзнями, неудачами и испытаніями. И такъ-то жалуются и ропщутъ, тоскуютъ и болѣе или менѣе страдаютъ въ мірѣ всѣ люди—малые и великіе, бѣдные и богатые, знатные и незнатные, больные и здоровые, обидимые и обидящіе, подневольные и властвующіе, трудящіеся и праздные, невѣжды и мудрецы... Итакъ, не въ равной ли степени справедливо или несправедливо будетъ назвать жизнь, какъ ее и называли иногда, тюрьмою, или больницей, а не веселымъ пиромъ, или богатымъ торжищемъ?...

Вѣчное недоразумѣніе человѣческой жизни въ томъ, что у человѣка нѣтъ вполнѣ опредѣленнаго предмета для его стремленій къ счастію. Еслибы человѣку заранѣе и навѣрное было извѣстно, въ чемъ состоитъ идеалъ человѣческаго счастья, еслибы каждому, по крайней мѣрѣ, извѣстно было, въ чемъ заключаются предѣлы возможнаго для него лично счастія,—онъ можетъ быть напрягъ бы всѣ свои силы, готовъ былъ бы рѣшиться на всякіе труды и жертвы съ тѣмъ, чтобы или пасть, или найти свое счастіе. Или онъ ограничилъ бы свои желанія и стремленія съ тѣмъ, чтобы, не задаваясь многимъ и не тратя силъ своихъ на недостижимое, искать только пригоднаго и достижимаго для себя. Но въ томъ-то и дѣло, что человѣку стремленія даны необъятныя, и предѣла имъ не указано и силы для удовлетворенія ихъ ограничены. Тысячи людей стремятся къ одной цѣли, трудятся для нея, сталкиваются и борятся изъ-за нея. Болѣе половины падаютъ на своемъ пути, не достигши цѣли. Немногіе достигаютъ ее,—но и тѣ вполнѣ ли удовлетворяются, находятъ ли завершеніе своимъ желаніямъ? Нѣтъ:

Библиотека "Руниверс"

то, что казалось снизу вѣнцомъ счастія, оказывается только новою ступенью къ дальнѣйшему;—и вотъ начинается новое исканіе, новый трудъ и жертвы, далѣе и далѣе, безъ остановокъ, пока силы не истощатся и смерть не положитъ всему конца.... А представленіе этого конца жизни для людей, которые цѣлью жизни поставляютъ наслажденіе и далѣе ея ничего не знаютъ и не ожидаютъ, развѣ не можетъ омрачить свѣтлаго представленія о жизни? Еслибы въ самомъ дѣлѣ жизнь была безпрерывною смѣною удовольствій, самозабвеніемъ счастія,—одно уже представленіе о томъ, что все должно кончиться, и скоро кончиться и неизвѣстно—когда, черезъ тридцать, десять лѣтъ, нынче, завтра, можетъ быть, среди самаго широкаго разгара этого жизненнаго пира,—одно это представленіе способно растворить горечью отравы наслажденія жизни—отравы тѣмъ болѣе горькой и ядовитой, чѣмъ болѣе сладкимъ и пріятнымъ кажется самое удовольствіе....

«Жизнь—счастье, пиръ веселый. Пользуйся жизнію, не задумываясь надъ ея смысломъ. Пользуйся настоящимъ, не заботясь о будущемъ. Спѣши взять себѣ на этомъ пиру все, что можешь». Пріятна на видъ эта философія,—но трудно повѣрить искренности того, кто первый разъ высказалъ ее. Кажется, ее высказывали не отъ самодовольства, не отъ восторженнаго упоенія жизнію, а скрѣпя сердце, съ желаніемъ заглушить внутреннюю тоску и боль, обмануть себя и другихъ.... «Жизнь—пиръ веселый», потому что ты алчешь и жаждешь, и инаго удовлетворенія твоей алчбѣ и жаждѣ нѣтъ, кромѣ того, которое предлагаетъ эта жизнь. Хорошо ли оно для тебя, или нѣтъ, достаточно или недостаточно, для своего собственнаго утѣшенія старайся представлять его себѣ роскошнымъ, веселымъ, обильнымъ пиромъ,—ибо другаго ничего для удовлетворенія твоей алчбѣ и жаждѣ не получишь.... «Спѣши взять себѣ на этомъ пирѣ все, что можешь»,—ибо скудно и тѣсно на немъ,—мало приготовлено, а желающихъ много,—каждое удовольствіе приходится пріобрѣтать трудомъ тяжелымъ, за каждый даръ вести борьбу

Библиотека "Руниверс"

на жизнь и на смерть. «Лови наслажденія», ибо они весьма непрочны и скоротечны. «Пользуйся жизнію, не задумываясь надъ ея смысломъ»,—ибо станешь думать серьезно—жизнь потеряетъ для тебя свою цѣну и очарованіе. «Наслаждайся настоящимъ, не вспоминая о прошедшемъ и не заботясь о будущемъ»,—потому что прошедшее прошло для тебя, не много оставивъ по себѣ пріятныхъ воспоминаній, а будущее не въ твоихъ рукахъ. Таковъ теоретическій смыслъ этой философіи. А каковъ нравственный смыслъ ея?—«Живи, пока живется». Такъ имѣли бы право разсуждать и всѣ безсловесныя, неразумныя существа, еслибы только могли разсуждать. «Пользуйся жизнью, не задумываясь надъ ея смысломъ,—пользуйся настоящимъ, не заботясь о будущемъ» А согласно ли это будетъ съ требованіями и нравственнымъ достоинствомъ моей сознательной, разумной природы, во всемъ ищущей смысла и разумности?... «Спѣши взять себѣ на жизненномъ пирѣ все, что можешь». А если для этого нужно вырывать блага жизни у другихъ, гоняющихся за счастіемъ?... Ибо, что бы ни говорили о гармоніи личныхъ интересовъ съ общими, личнаго блага съ общимъ, опытъ свидѣтельствуетъ предъ нами, что при извѣстныхъ намъ условіяхъ жизни оказывается между ними иногда непримиримое противорѣчіе,—и человѣку неизбѣжно бываетъ или жертвовать своимъ личнымъ благомъ, или устроять его на обидѣ, лишеніи, стѣсненіи другихъ?... Если для того, чтобы лучше устроить свое довольство и спокойствіе,—я долженъ быть глухъ и нечувствителенъ къ жалобамъ и страданію тысячъ людей? Если и другіе во имя того же принципа будутъ точно также относиться ко мнѣ? Едва ли это былъ бы веселый пиръ, когда собравшіеся на этомъ пирѣ готовы были бы, какъ дикіе звѣри, для собственнаго удовольствія терзать другъ друга за каждую подачку. Нѣтъ, не нужна намъ эта животная философія; желаемъ болѣе разумной!....

Библиотека "Руниверс"

III.

«Жизнь, говорятъ, есть выполненіе высшаго назначенія человѣческаго. Жизнь есть осуществленіе высшихъ идеаловъ истины, добра, красоты, правды, любви».—Вотъ взглядъ наиболѣе согласный съ достоинствомъ человѣческой природы, который пріятно было бы раздѣлять всѣмъ разумнымъ и благороднымъ людямъ. И въ природѣ человѣческой есть основаніе для такого взгляда. Глубоко въ сущности природы человѣческой заложены стремленія къ идеаламъ истины, добра, красоты, правды, любви. И какъ бы ни падала низко природа человѣческая, какъ бы ни была она груба, неразвита, искажена, стремленія къ этимъ идеаламъ остаются въ ней неискоренимы и незаглушимы. Нѣтъ человѣка столько грубаго и неразвитаго, столько дурнаго и испорченнаго, который бы сознательно и безъ особенныхъ личныхъ побужденій предпочиталъ истинѣ ложь, добру зло, красотѣ безобразіе, справедливости неправду, миру и любви вражду....

Такъ.—Но дѣло не въ томъ, что у насъ есть стремленія къ истинѣ, добру, красотѣ, правдѣ, любви,—а видимъ ли мы осуществленіе этихъ идеаловъ въ жизни, исполняемъ ли требованія ихъ сами? Покажите намъ изъ безчисленнаго множества человѣческихъ жизней хоть одну такую жизнь—жизнь какого-либо великаго мудреца и героя добродѣтели, которая была бы свѣтлымъ выраженіемъ высшихъ идеаловъ безъ пятна и упрека, чтобы мы, по крайней мѣрѣ, издали могли полюбоваться ею и преклониться предъ нею въ благоговѣйной радости за достоинство человѣческой природы. Найдите хоть одно такое человѣческое общество, въ которомъ безмятежно царствовали бы истина, добродѣтель, справедливость, миръ и любовь, чтобы всѣ и другія человѣческія общества мятущіяся, изнемогающія, нерѣдко и падающія въ безплодныхъ усиліяхъ приблизиться къ этому идеальному

Библиотека "Руниверс"

состоянію, могли имѣть для себя образецъ. Докажите намъ, по крайней мѣрѣ, что жизнь человѣчества во всемъ ея объемѣ осуществляетъ эти идеалы. Нѣтъ и нѣтъ! Каждая человѣческая душа стремится къ высшимъ идеаламъ истины, добродѣтели, справедливости, любви, красоты,—а безчисленное множество людей, цѣлыя человѣческія общества, несчетные ряды поколѣній—и все человѣчество въ продолженіе всей своей исторіи оказываются безсильными къ осуществленію этихъ стремленій. Вотъ еще великое недоразумѣніе и противорѣчіе жизни! Жизнь представляетъ поруганіе и искаженіе тѣхъ высшихъ идеаловъ, которые выставляются ею же самой, какъ ея высшее украшеніе и разумность... Истина? Что такое она сама въ себѣ—никто еще изъ людей не сказалъ, хотя многіе напрягали всѣ силы крѣпкаго ума, чтобы разрѣшить этотъ вопросъ; а отдѣльныя крупицы истины достаются человѣчеству путемъ долгихъ усилій и еще хуже—путемъ ошибокъ и заблужденій,—дѣлаются достояніемъ человѣчества послѣ тяжелой борьбы съ невѣжествомъ и предразсудками,—иногда какъ будто и совсѣмъ теряются, погибаютъ во тьмѣ невѣжества и предразсудковъ. Добродѣтель! — Въ чистую, совершенную, идеальную добродѣтель многіе изъ людей (и конечно не безъ причины) не вѣрятъ, — а рядомъ съ каждымъ частнымъ проявленіемъ добра, хотя бы и не идеально-чистаго и совершеннаго, мы всюду встрѣчаемъ положительныя проявленія зла: дурныя склонности и темныя побужденія, слабости и увлеченія, пороки и преступленія затмеваютъ въ жизни чистоту добродѣтели. Предупредительныя и карательныя мѣры воспитанія и управленія общественнаго, которыя считаются необходимыми для предохраненія однихъ членовъ общества отъ нечестности и насилія другихъ и которыя составляютъ предметъ особеннаго вниманія въ самыхъ благоустроенныхъ человѣческихъ обществахъ — розги, тюрьмы, эшафоты, уголовные суды, — или такія учрежденія, которыя общества, въвиду неудержимаго произвола страстей человѣческихъ, считаютъ нужнымъ допускать и устроять, чтобы дать хоть какой-

Библиотека "Руниверс"

нибудь порядокъ и узаконенный исходъ движенію низшихъ страстей, — вотъ печальныя свидѣтельства неидеальнаго состоянія нравственности въ родѣ человѣческомъ!.. Красота! — Можетъ быть ее и очень много въ природѣ и жизни человѣческой, — но, или отраженія ея повсюду искажаются и помрачаются широко распространеннымъ безобразіемъ, или въ насъ самихъ слишкомъ заглохло и огрубѣло чувство красоты, — только наслажденіе красотою имѣетъ далеко несущественное значеніе въ жизни человѣческой, — преимущественно наслажденіе чистое, нравственное и безкорыстное, не раздражающее какихъ-нибудь мелочныхъ побужденій нашего эгоизма, или грубыхъ инстинктовъ чувственной природы.... Справедливость! — Всегда и повсюду въ обществахъ человѣческихъ слышались и слышатся жалобы на несправедливость, извращающую личныя, семейныя и общественныя отношенія людей, разъѣдающую крѣпость человѣческихъ обществъ, подавляющую самыя священныя права человѣческихъ личностей. — И такъ глубока эта несправедливость, что остаются безсильными всякія напряженныя усилія къ ея искорененію, — и такъ привычна она людямъ, что они большею частію и искоренять несправедливость имѣютъ обыкновеніе новыми несправедливостями.... Любовь святая! — Кому не любезно и не дорого ея имя? А между тѣмъ повсюду вмѣсто любви мы видимъ господство эгоизма, составляющаго основную пружину человѣческихъ помышленій и дѣйствій, отравляющаго и помрачающаго самыя высокія стремленія человѣческой природы, и извращающаго взаимныя отношенія между людьми личныя, семейныя и общественныя, — эгоизма, который служитъ источникомъ всякой зависти, ненависти и злобы, всякихъ несчастныхъ поступковъ и темныхъ преступленій, который въ обществахъ человѣческихъ, вмѣсто мира и спокойствія, возжигаетъ и поддерживаетъ непріязнь и вражду, разрѣшающуюся нерѣдко тѣмъ, что братъ возстаетъ на брата, народъ на народъ и царство на царство. И едва ли проходятъ въ многовѣковой исторіи человѣчества

Библиотека "Руниверс"

хоть одинъ годъ, хоть одинъ мѣсяцъ, едва ли одинъ день, когда бы не была проливаема человѣческая кровь человѣческою рукою!... Вотъ идеалы человѣческой жизни, — и вотъ ея дѣйствительность!... Можно при этомъ назвать жизнь осуществленіемъ высшихъ идеаловъ истины, добра, красоты, правды, любви!...

Напрасно кто-либо сталъ бы говорить, что истина и ложь, добро и зло, красота и безобразіе, правда и неправда— понятія относительныя, что это только такъ ограниченному личному взгляду человѣческому представляется много заблужденій и зла, безобразія и неправды, а въ сущности въ жизни человѣчества, какъ понимаетъ ее болѣе широкій взглядъ, и самое заблужденіе необходимо для развитія истины, зло способствуетъ силѣ добра, безобразіе служитъ красотѣ, неправда правдѣ, ненависть любви,—и ложь, зло, безобразіе, несправедливость, вражда не суть прямыя противоположности истинѣ, добру, красотѣ, правдѣ, любви, а только отрицательныя проявленія, такъ сказать оборотная сторона той же истины, любви, красоты, добра, правды... Нѣтъ, правдивый умъ и честное сердце нельзя разувѣрить въ томъ, что заблужденіе и ложь — прямая непримиримая противоположность истинѣ, что добро не можетъ быть источникомъ зла, и зло источникомъ добра, что между любовью и ненавистью, красотою и безобразіемъ, правдою и неправдою нѣтъ ничего общаго, ничего средняго. Правдивый умъ и честное сердце отказываются называть тьму свѣтомъ и свѣтъ тьмою, черное бѣлымъ и бѣлое чернымъ, горькое сладкимъ и сладкое горькимъ.... Напрасно также говорятъ иногда, что зло, безобразіе, ложь, ненависть, несправедливость, хотя явленія сами по себѣ несомнѣнно темныя, но необходимыя и даже какъ будто полезныя въ жизни, чтобы образъ красоты лучше оттѣнялся среди окружающаго безобразія, чтобы правда свѣтлѣе сіяла среди неправды, чтобы истина и добро укрѣплялись чрезъ борьбу съ невѣжествомъ и зломъ. Нѣтъ, сердце человѣческое чувствуетъ, что это софистическій обманъ.

Библиотека "Руниверс"

Образъ красоты всегда прекрасенъ самъ по себѣ, и еще свѣтлѣе сіяетъ, когда ее не омрачаетъ безобразіе; правда и любовь святы и цѣнны сами въ себѣ, хотя бы и не было вовсе неправды и вражды; добро въ жизни было бы полнѣе и крѣпче, если бы сила его не была постоянно парализуема борьбою со зломъ; до истины нѣтъ необходимости доходить путемъ ошибокъ и заблужденій,— нормальный и логическій путь къ развитію истины есть переходъ отъ истины къ истинѣ, а не отъ истины къ заблужденію, и отъ заблужденія опять къ полуистинѣ и т. д. И вообще несомнѣнно, жизнь человѣческая была бы чище, свѣтлѣе, прекраснѣе, разумнѣе, если бы не было въ ней совсѣмъ этихъ темныхъ противоположностей ея идеаламъ, — заблужденія, зла, безобразія., неправды, ненависти.

Напрасно также утѣшаютъ насъ тѣмъ, что хотя много въ человѣческой жизни лжи, безнравственности, безобразія, несправедливости, злобы, но все-таки въ ней истина всегда беретъ верхъ надъ невѣжествомъ и зломъ, добродѣтель торжествуетъ, а безнравственность наказывается, правда изгоняетъ неправду, любовь и красота цѣнятся выше ненависти и безобразія. Это еще мало утѣшенія человѣку, что въ жизни его темныхъ явленій меньше, нежели свѣтлыхъ,— нѣтъ, зачѣмъ они все-таки существуютъ, когда идеалъ жизни требуетъ, чтобы ихъ совсѣмъ не было? Да и правда ли еще то, что въ жизни истина, добро, нравственная сила имѣютъ преимущество предъ заблужденіемъ, невѣжествомъ, грубою физическою силой? Развѣ мы не видимъ въ жизни, чуть не на каждомъ шагу, какъ грубая физическая сила повелѣваетъ и ругается надъ силою нравственною, умъ преклоняется предъ невѣжествомъ, тьма предразсудковъ и заблужденій гонитъ со свѣта истину,— унижаетъ и преслѣдуетъ, моритъ въ тюрьмахъ, жжетъ на кострахъ, распинаетъ на крестахъ ея провозвѣстниковъ. «Добродѣтель торжествуетъ и порокъ наказывается»,—въ примѣненіи къ настоящей жизни фраза эта имѣетъ такой неопредѣленный смыслъ, что

Библиотека "Руниверс"

не безъ основанія сдѣлалась она предметомъ ироніи между людьми. Ибо всякій счастливый невѣжда и безнравственный деспотъ готовъ бываетъ этою фразою язвить и давить бѣднаго мудреца, угнетеннаго поборника добродѣтели—съ тѣмъ, чтобы отнять у него его послѣднее сокровище — вѣру въ истину и добродѣтель. Ибо нѣтъ въ родѣ человѣческомъ, при всей его заботливости объ этомъ предметѣ, ни такой проницательной полиціи, ни такихъ совершенныхъ судовъ, ни такихъ въ точности соотвѣтствующихъ винѣ и заслугѣ мѣръ наказанія и поощренія, чтобы всякій порокъ былъ обличаемъ и наказывался соотвѣтственно степени его порочности и всякая добродѣтель цѣнилась и награждалась соотвѣтственно ея высотѣ. Правосудію человѣческому подлежатъ только внѣшнія и наиболѣе крайнія проявленія зла, а самый источникъ его — внутренняя порча ума, совѣсти и сердца, а тысячи и милліоны мелкихъ проявленій безнравственности, которыя, можетъ быть, болѣе самыхъ великихъ, т. е. выдающихся изъ общаго нравственнаго уровня и потому рѣдкихъ преступленій, заражаютъ нравственную атмосферу общества, остаются для правосудія человѣческаго неуловимыми и неприкосновенными. И потому то въ жизни нерѣдко бываетъ и такъ, что преслѣдующіе, осуждающіе и наказывающіе порокъ бываютъ порочнѣе осуждаемыхъ и наказываемыхъ. Малые, неопытные и безсильные преступники подвергаются карѣ, лишаются лишнихъ человѣческихъ правъ, изгоняются изъ общества человѣческаго за неудачную попытку къ преступленію общественнаго закона, — а большіе, сильные и закоренѣлые злодѣи пользуются уваженіемъ и пріязнію, смѣются надъ закономъ и совѣстью, живутъ и умираютъ въ счастіи и довольствѣ на счетъ благосостоянія тысячъ людей. «Правда сильнѣе неправды», говорятъ мудрецы. Но здѣсь высказывается болѣе высокая вѣра въ правду, нежели точное наблюденіе надъ ея дѣйствительнымъ состояніемъ въ мірѣ. Простой, общій человѣческій смыслъ, выводящій свои заключенія изъ непосредственнаго наблюденія—

Библиотека "Руниверс"

такъ сказать, осязанія фактовъ жизни—говоритъ напротивъ, что правдою между людьми плохо жить, ибо правда всѣмъ глаза колетъ, и за то правду не любятъ, и за то правду бьютъ,—и оттого правда давно улетѣла отъ земли на небо, и правды нечего искать въ мірѣ...

Или, наконецъ, честный и добродѣтельный мудрецъ долженъ утѣшать себя тѣмъ, что хотя ему въ продолженіе своей кратковременной жизни и не удастся видѣть торжества истины надъ заблужденіемъ, добра надъ зломъ, что хотя ему придется и потерпѣть много за свою любовь къ истинѣ и добру, но впослѣдствіи все-таки истина и добро возьмутъ свое, и всякаго поборника истины и добродѣтели, правды и любви ожидаетъ благодарность, слава и безсмертіе въ потомствѣ? Такъ мы дѣйствительно въ исторіи человѣчества видимъ много примѣровъ тому, что истина, угнетаемая и презираемая въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, въ послѣдующихъ вѣкахъ торжествуетъ побѣду надъ ложью и заблужденіемъ, что добро, скромно посѣянное въ какомъ-либо безвѣстномъ уголку земли, черезъ десятки и сотни лѣтъ разрастается и приноситъ неисчислимыя блага на цѣлыя страны, что несправедливые порядки и отношенія людей въ обществахъ человѣческихъ, при всей ихъ выгодности для интересовъ силы, мало-по-малу уступаютъ мѣсто порядкамъ и отношеніямъ болѣе гуманнымъ и справедливымъ. Въ этомъ отношеніи исторія человѣчества можетъ дать нѣкоторое утѣшеніе сердцу, тоскующему объ идеалѣ правды и добра. Но достаточно ли это утѣшеніе для души, страдающей по идеалѣ? Нѣтъ; при всемъ желаніи, я не могу себя вполнѣ утѣшить и успокоить тою мыслію, что добытая мною истина, посѣянное мною добро, искомая мною справедливость когда-нибудь принесутъ свою пользу и возьмутъ верхъ надъ невѣжествомъ, безнравственностію и несправедливостію. Я такъ люблю эту истину, добродѣтель и справедливость, я такъ ненавижу ложь, безнравственность и неправду, что мнѣ хотѣлось бы (и этого желанія никто не можетъ вырвать у меня, ибо оно свято, за-

Библиотека "Руниверс"

конно и согласно съ благомъ человѣчества), мнѣ желалось бы, какъ можно скорѣе, теперь же, видѣть полное торжество первыхъ и рѣшительное искорененіе послѣднихъ. Мои идеалы когда-нибудь станутъ дѣйствительными; но меня тогда уже не будетъ; а для тѣхъ, которые увидятъ ихъ осуществленіе, они уже не будутъ идеалами,—тѣхъ будутъ мучить и томить свои идеалы, какъ теперь мучатъ и томятъ меня мои. Мои идеалы —искомая мною истина и справедливость когда-нибудь станутъ дѣйствительностью но тѣ страданія, которыя я за нихъ терплю и послѣ меня будутъ терпѣть другіе поклонники этихъ идеаловъ, все-таки не перестаютъ быть страданіями. Воспользуются же плодами нашихъ страданій тѣ, для которыхъ вовсе не будетъ имѣть такой цѣны, какъ для насъ, то, за что мы страдаемъ. Что же это за противорѣчіе, что это за новая несправедливость, повидимому, въ самой высшей справедливости жизни? «Благодарность, слава, безсмертіе въ потомствѣ!» Какія громкія и какія бѣдныя по содержанію—жалкія, ироническія по смыслу, слова! Неблагодарность и безславіе при жизни, благодарность и слава по смерти!... Безсмертіе тогда, когда уже жизни совсѣмъ не будетъ... Что пользы мученику истины и герою добродѣтели, если потомки его мучителей и убійцъ воздвигаютъ памятникъ на томъ мѣстѣ, гдѣ ихъ предки замучили его? Что показываютъ эти памятники? Преступленіе и безславіе прежнихъ поколѣній, или то, что потомки нынѣшняго поколѣнія будутъ также когда нибудь кланяться тому, что теперь подвергается поруганію и преслѣдованію? Что пользы мученику истины и герою добродѣтели, если имя его будетъ когда-нибудь произноситься съ уваженіемъ и сочувствіемъ людьми мыслящими и сдѣлается однимъ изъ громкихъ словъ, украшающихъ безсмысленныя рѣчи, а ему нельзя будетъ даже и слышать этого, самый прахъ его будетъ неизвѣстно гдѣ?...

Да и правда ли то, что всякаго поборника и мученика истины, добродѣтели и справедливости ожидаетъ безсмертіе и слава въ потомствѣ? Судъ потомства, судъ исторіи на

Библиотека "Руниверс"

самомъ дѣлѣ едвали проницательнѣе и безпристрастнѣе обыкновеннаго суда людскаго—суда современниковъ. То же лицепріятіе, то же пристрастіе къ силѣ, знатности, авторитету. Исторія, занося на свои страницы громкое дѣло, припомнитъ и запишетъ два-три знатныхъ имени — имена людей, которымъ выдался счастливый случай стоять впереди дѣла; а тысячи другихъ тружениковъ, которымъ, можетъ быть, главнымъ образомъ дѣло обязано своимъ направленіемъ и успѣхомъ, которые не заботились о громкихъ дѣяніяхъ, а въ тиши всю жизнь честно работали для блага человѣчества, остаются безвѣстными. Это масса, на которую не стоитъ обращать вниманія! Да и откуда черпаетъ свои свѣдѣнія, на чемъ основываетъ свои приговоры эта рѣшительница справедливости и несправедливости людской — исторія? Два, три досужихъ, иногда мало понимающихъ дѣло, иногда пристрастныхъ лѣтописца запишутъ, какія имъ представляются замѣчательными, дѣянія своего времени, — останется отъ этого времени нѣсколько обломковъ жизни на память временамъ послѣдующимъ. Какъ бы ни были совершенны и точны пріемы историческаго изслѣдованія, оно никакъ не можетъ поручиться за то, что оно совершенно точно и правильно возстановляетъ смыслъ и заслугу извѣстной эпохи и ея болѣе или менѣе замѣчательныхъ дѣятелей... Итакъ, нѣтъ удовлетворенія идеальнымъ стремленіямъ человѣка ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ... Не нужно намъ розовыхъ иллюзій и софистическихъ утѣшеній. Лучше горькая, но прямая правда, чѣмъ скрытый и закрашенный обманъ. Жизнь не есть осуществленіе идеаловъ добра, истины и справедливости, точно такъ же, какъ не есть она осуществленіе идеала счастія. Вѣрно,—нужно оставить свѣтлые идеалы и высокія требованія, и искать болѣе прямаго, хотя и болѣе грубаго—болѣе жесткаго объясненія смысла жизни...

Библиотека "Руниверс"

IV.

«Такъ, говорятъ. Личная жизнь человѣка не удовлетворяетъ идеальнымъ требованіямъ счастія, добра, истины, красоты, справедливости и т. под. Но эти идеалы предназначено осуществить всей жизни человѣчества; выполненіе ихъ должно быть вѣнцомъ исторіи человѣчества. И послѣ долгихъ исканій и колебаній, послѣ тяжкихъ трудовъ, напряженныхъ усилій и жертвъ, человѣчество наконецъ прійдетъ къ своимъ идеаламъ, найдетъ счастіе, узнаетъ истину, сдѣлается идеально добрымъ и совершеннымъ, установитъ вездѣ справедливость, будетъ наслаждаться міромъ и красотою; и не будетъ тогда въ человѣчествѣ несчастія и зла, заблужденія и безобразія, ненависти и неправды. До тѣхъ поръ жизнь человѣческая есть непрестанная работа надъ достиженіемъ этихъ идеаловъ, и каждый вѣкъ, каждый народъ, каждое поколѣніе, каждый отдѣльный человѣкъ имѣетъ свое собственное назначеніе, вноситъ свою долю въ эту сокровищницу великаго общечеловѣческаго труда. Работа идетъ безостановочно; личности живутъ и умираютъ, поколѣнія мѣняются, народы исчезаютъ, вѣка проходятъ; но каждый вѣкъ, каждый народъ передаетъ для продолженія свое дѣло своему преемнику, а этотъ — дальнѣйшему. И никакая враждебная сила не можетъ остановить этого движенія — этого прогресса; невѣжество, неправда и зло непрестанно гнетутъ и стараются уничтожить силу истины и добра, но ни одна крупица истины, ни одно сѣмя добра не пропадетъ даромъ въ этой непрестанной работѣ и борьбѣ. Каждая добрая мысль, каждый честный трудъ приносятъ свою пользу, имѣютъ свое значеніе въ достиженіи цѣли человѣчества. Непрестанно увеличивая сокровищницу знанія и труда, непрестанно подвигаясь впередъ, человѣчество все ближе и ближе подходитъ къ своей цѣли — къ своему идеалу, и наконецъ достигнетъ его» Вотъ

Библиотека "Руниверс"

взглядъ, кажется, болѣе близкій къ правильному пониманію жизни, и указывающій человѣку прямое назначеніе его существованія, взглядъ, не обольщающій человѣка недостижимыми идеалами и не отнимающій смысла и отрады у его жизни... Но и этотъ взглядъ вполнѣ ли разъясняетъ и удовлетворяетъ запросы и требованія человѣческой души?

Жизнь — непрестанный трудъ, непрерывный прогрессъ, безостановочное движеніе.» Но всякій трудъ тогда только имѣетъ цѣну, когда извѣстна цѣль труда, сознается смыслъ труда; всякій трудъ требуетъ покоя, красится наградою и наслажденіемъ. Всякое движеніе имѣетъ смыслъ, когда извѣстна цѣль и вѣрность направленія движенія. Цѣль и смыслъ жизни человѣка—жизни человѣчества, настолько ли ясны людямъ, чтобъ это давало опредѣленный смыслъ, направленіе и пріятность жизненному труду? Если бы это было такъ, намъ нечего было бы и разсуждать о цѣли и смыслѣ жизни, человѣчеству нечего было бы въ продолженіе вѣковъ думать и волноваться, приходить къ сомнѣнію и отчаянію надъ разрѣшеніемъ этого вопроса.... Но пусть такъ: эта неустанная работа, это безпрерывное движеніе идетъ изъ-за того, чтобы человѣчество достигло наконецъ своего назначенія, пришло къ своему идеалу — нашло истину, благо, справедливость, миръ, счастье.... Т. е. какое человѣчество? Мы человѣчества не знаемъ, какъ живаго существа. Мы знаемъ живыхъ людей. знаемъ составляющіяся изъ нихъ поколѣнія, народы и т. д. Переведемъ фразу на языкъ болѣе прямой: «неисчислимые милліоны личностей, ряды поколѣній и народовъ трудятся и движутся, живутъ и умираютъ, заблуждаются и страдаютъ для того, чтобы наконецъ явилось въ родѣ человѣческомъ идеальное поколѣніе людей—разумное, нравственно-совершенное и счастливое, не знающее ни заблужденія, ни порока, ни несчастія». Въ этомъ-то смыслъ и цѣль человѣческой жизни? Но ужели въ самомъ дѣлѣ неисчислимые милліоны личностей и ряды поколѣній должны жить, трудиться и терпѣть только для того, чтобы ихъ позднѣйшему потом-

Библиотека "Руниверс"

ству было хорошо? Ужели жизнь, стремленія и труды безчисленнаго ряда поколѣній должны пойдти только на фундаментъ или на удобреніе почвы для жизни и счастія другихъ поколѣній?

Да и правда ли то, что нашъ жизненный трудъ принесетъ свою пользу человѣчеству,—что въ общечеловѣческомъ прогрессѣ ни одна крупица истины, ни одно сѣмя добра, ни одна разумная мысль, ни одинъ честный трудъ не пропадаютъ? Самая исторія человѣчества не представляетъ ли примѣровъ, противныхъ тому? Мы горды въ настоящее время своими знаніями, своими трудами, своими успѣхами—нашею цивилизаціей,—мы думаемъ, что знаніе и труды нашего вѣка принесутъ громадную пользу прогрессу человѣчества. А жили и до насъ люди, поколѣнія и народы (съ незапамятныхъ временъ исторіи человѣчества, Богъ знаетъ,—сколько ихъ жило), которые также искали истины, добра и счастія, мыслили, трудились и имѣли, можетъ быть, очень значительные успѣхи въ знаніи и трудѣ. Разрозненные и полустертые обломки жизни свидѣтельствуютъ о блестящей цивилизаціи, процвѣтавшей нѣкогда на берегахъ благословеннаго Нила, въ долинахъ Ганга и Евфрата, въ странахъ Мексики и Перу. А теперь памятниками этой цивилизаціи остается лишь нѣсколько жалкихъ, разрозненныхъ полуразрушенныхъ обломковъ жизни, нѣсколько словъ и намековъ въ полуистлѣвшей древней рукописи, нѣсколько искаженныхъ сказаній въ преданіяхъ народныхъ. Кто знаетъ, можетъ быть, и съ нашею цивилизаціею, которою мы столько гордимся, когда-нибудь то же будетъ? Можетъ быть, и нынѣшняя блестящая, богатая, цивилизованная, сильная, многолюдная, самоувѣренная Европа когда-нибудь будетъ представлять унылую, безжизненную степь, подобную тѣмъ, какія нынѣ представляютъ средняя Азія и внутренняя Африка? Можетъ быть, отъ иныхъ нынѣшнихъ богатыхъ и блестящихъ кипящихъ жизнью и наслажденіемъ городовъ останется столько же, сколько осталось до нашего времени отъ древнихъ Вавилона и Ниневіи,

Библиотека "Руниверс"

Мемфиса и Өивъ, Геркуланума и Помпеи, Содома и Гоморры... Напрасно иные самоувѣренные мудрецы нынѣшняго времени говорятъ, что при настоящемъ знаніи силъ природы, при нынѣшнемъ направленіи цивилизаціи, этого быть не можетъ. Не обольщенный пристрастіемъ умъ понимаетъ, что нынѣшняя цивилизація при всемъ ея развитіи не только не можетъ обезопасить человѣчества отъ какихъ-либо внезапныхъ физическихъ переворотовъ, но не можетъ даже навѣрное обезопасить его и отъ сокрушительной силы какихъ-либо новыхъ Аттилъ, Чингисхановъ и Темерлановъ. Итакъ, поколѣнія вымираютъ, народы исчезаютъ съ лица земли, цѣлые цивилизаціи гибнутъ, — а кто можетъ поручиться въ томъ, что они успѣваютъ передать пріемствующимъ поколѣніямъ, народамъ и цивилизаціямъ всѣ выработанныя и накопленныя ими сокровища знанія и труда? Не показываютъ ли иногда случайныя открытія науки исторической, что народамъ древнимъ извѣстны были такія знанія и искусства, какія въ позднѣйшіе вѣка какъ-будто вновь открываются путемъ долгихъ соображеній, трудовъ и жертвъ? Нѣтъ ли основаній предполагать, что народамъ древнимъ извѣстны были и нѣкоторыя такія знанія, которыя доселѣ остаются неизвѣстны нынѣшнему цивилизованному міру? Человѣчество навсегда потеряло ключъ къ нимъ, и должно будетъ вновь тратить силы надъ изобрѣтеніемъ того, что давнымъ-давно было извѣстно. Не то же ли будетъ и съ нашими знаніями и трудами,-- не пропадетъ ли большая часть ихъ даромъ для вѣковъ и народовъ послѣдующихъ? Какое же значеніе въ такомъ случаѣ будутъ имѣть наши знанія и труды, наша жизнь и цѣлая исторія?... Въ иномъ мѣстѣ, умными и заботливыми руками, цѣлые вѣка собирались сокровища знанія и труда на пользу вѣкамъ последующимъ,—и въ самое короткое время истреблялись сокрушителною силой природы, или дикимъ произволомъ невѣжества людскаго. Вотъ прогрессъ историческій! Можно ли безусловно ввѣриться ему, понадѣяться на незыблемую прочность его? Можно ли сказать, что въ немъ ни одна крупица

Библиотека "Руниверс"

истины, ни одно сѣмя добра, ни одна разумная мысль, ни одинъ честный трудъ не пропадаютъ?..

Можно-ли сказать, по крайней мѣрѣ, что человѣчество въ цѣломъ составѣ своемъ, несмотря на бывающія въ жизни отдѣльныхъ странъ и народовъ особенныя, исключительныя, несчастныя, ненормальныя явленія и перевороты,—все-таки непрестанно идетъ впередъ,—и что этого движенія не могутъ остановить никакія разрушительныя силы природы, никакія погибельныя проявленія собственнаго произвола людскаго? Какъ сказать? Инымъ прогрессъ человѣческой жизни представляется въ смыслѣ постояннаго движенія впередъ, инымъ въ смыслѣ волнообразнаго колебанія то взадъ, то впередъ,—а инымъ это движеніе представляется въ видѣ вертящагося колеса, непрестанно подвигающагося впередъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ возвращающагося на старый путь? Кто правѣе? Каждый взглядъ можетъ найдти для себя основаніе въ дѣйствительныхъ фактахъ исторіи человѣчества. Наше время болѣе склоняется къ той мысли, что жизнь человѣчества непрестанно движется впередъ. А не представляетъ-ли исторія и много такихъ примѣровъ, что въ жизни народа—въ жизни цѣлаго человѣчества, вслѣдъ за періодомъ процвѣтанія, слѣдуетъ періодъ упадка, за вѣкомъ просвѣщенія настаетъ вѣкъ невѣжества? Въ иную эпоху жизнь человѣчества или извѣстнаго народа принимаетъ направленіе благотворное и полезное для временъ послѣдующихъ, въ иную же бываетъ посѣяно и сдѣлано столько зла и ошибокъ, что цѣлые послѣдующіе вѣка едва въ состояніи бываютъ исправить эти ошибки и зло. Не принадлежитъ-ли въ какихъ-нибудь сторонахъ. и направленіяхъ жизни и наша эпоха къ такимъ эпохамъ? Не окажется-ли многое, что мы считаемъ за истину и добро, ложью и зломъ для временъ послѣдующихъ. Каждая эпоха считаетъ свою мысль за несомнѣнную истину, свое дѣло—за дѣло доброе,—но не всегда такъ оказывается на самомъ дѣлѣ. Наконецъ, не представляетъ-ли исторія человѣчества основаній и для той мысли, что всякое явле-

Библиотека "Руниверс"

ніе, повидимому, вновь возникающее въ жизни человѣчества, въ сущности оказывается повтореніемъ того, что уже когда-то было и прошло. И жизнь человѣчества вращается какъ будто въ какомъ-то очарованномъ кругу, періодически повторяя одни и тѣ же увлеченія и ошибки, и человѣчество какъ будто само не сознаетъ этого, и не имѣетъ силы выбиться изъ этого очарованнаго круга. Въ самомъ дѣлѣ, странно бываетъ видѣть, какъ иной самоновѣйшій мудрецъ, объявляющій всему міру, что онъ открылъ новую великую истину, постигъ тайну жизни,—начинаетъ повторять, что давнымъ-давно было признаваемо за истину, и потомъ оказалось ложью, и потомъ опять было принято, и опять отвергнуто. А между тѣмъ такъ именно бываетъ на дѣлѣ: иные изъ мудрецовъ нашего образованнаго XIX вѣка выдавали за новую и великую истину не только то, что было говорено древними греческими мудрецами, но и то, что было высказываемо въ затменіи разума индѣйскими браминами, поклонниками Будды, или даже какими-либо дикарями, не знающими ничего выше своихъ животныхъ инстинктовъ. Намъ странно бываетъ видѣть, какъ и въ наше время направленія научныя, общественныя, политическія смѣняютъ одно другое точно въ томъ же порядкѣ, въ какомъ они слѣдовали одно за другимъ и въ самыя древнѣйшія, и въ болѣе близкія и самыя ближайшія къ намъ времена. И въ наши времена за крайнимъ матеріализмомъ слѣдуетъ самый выспренній трансцедентальный идеализмъ, а затѣмъ опять тотъ же матеріализмъ хотя подъ новымъ названіемъ, въ которомъ упущено нѣсколько буквъ стараго имени (реализмъ);—безпорядки анархіи и произвола навлекаютъ на себя давленіе деспотизма,—а деспотизмъ опять вызываетъ противъ себя анархію и произволъ. И такъ всегда бываетъ; и сколько зла человѣчество не терпѣло отъ своихъ одностороннихъ увлеченій и ошибокъ, оно все продолжаетъ повторять тѣ же односторонности и ошибки. Намъ странно бываетъ видѣть, какъ наши новѣйшія формы общественной

Библиотека "Руниверс"

и политической жизни оказываются сходными съ самыми древнѣйшими формами; а между тѣмъ это такъ на самомъ дѣлѣ, и новѣйшіе парламенты, сеймы, конгрессы и конституціи, устные, гласные и мировые суды имѣютъ для себя образцы въ самой глубокой древности. Итакъ, какъ будто оправдывается наблюденіе древняго мудреца, что нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ,— и что есть теперь, то было и прежде, и будетъ впередъ.

И къ чему-же придетъ, гдѣ остановится этотъ круговоротъ жизни? Изъ-за чего же все это движеніе? Можно ли думать, что прогрессъ человѣческой жизни дѣйствительно приведетъ наконецъ человѣчество къ его идеалу, что будетъ когда-нибудь поколѣніе человѣческое, вполнѣ обладающее истиной, нравственно совершенное и счастливое, что будетъ когда-нибудь жизнь безъ лжи и безобразія, зла и вражды, недовольства и горя, заблужденій разума и борьбы страстей, пороковъ и преступленій? Въ наше время многіе любятъ утѣшать себя этою вѣрою, что настанетъ когда-нибудь этотъ вѣкъ золотой, этотъ рай на землѣ, этотъ идеалъ въ жизни человѣческой. Но это по истинѣ только вѣра, выходящая изъ потребности души чѣмъ-либо утѣшить себя и осмыслить свою жизнь, но не имѣющая для себя никакихъ твердыхъ основаній въ разумѣ и опытѣ жизни. Въ самомъ дѣлѣ, трудно повѣрить, чтобы идеалъ жизни человѣческой сдѣлался когда-нибудь ея дѣйствительностью, безъ особенныхъ какихъ-нибудь чрезвычайныхъ переворотовъ въ условіяхъ самой жизни. Трудно представить, чтобы человѣкъ когда-нибудь нашелъ свой идеалъ—идеалъ истины и добродѣтели, любви и счастія, нашелъ и успокоился, не переставъ быть человѣкомъ, какимъ мы его знаемъ,—безъ особеннаго какого нибудь чрезвычайнаго переворота въ самой его природѣ. Мы знаемъ, что неидеальное состояніе человѣческой жизни зависитъ не отъ внѣшнихъ только препятствій и временныхъ условій жизни,—а главнымъ образомъ отъ условій, лежащихъ въ собственной природѣ человѣка. Мы не потому, главнымъ

Библиотека "Руниверс"

образомъ, бываемъ недовольны, что у насъ нѣтъ того и того; еслибы и все это было, мы не перестали бы быть недовольными и несчастливыми; еслибы, какъ мы уже говорили, у человѣка не было никакихъ внѣшнихъ предлоговъ къ недовольству и страданію, человѣкъ самъ сталъ бы измышлять себѣ предметъ и предлогъ недовольства и страданія.

Не вѣрно говорятъ, что человѣкъ недоволенъ и несчастливъ потому, что ему жить *не хорошо*,—а когда станетъ *хорошо*, человѣкъ будетъ вполнѣ доволенъ и счастливъ. Но дѣло въ томъ, что человѣку собственно не того хочется, чтобъ ему было *хорошо* (когда человѣку бываетъ и можетъ быть безусловно *хорошо* — этого никто не опредѣлилъ и опредѣлить не можетъ) — ему собственно всегда хочется, чтобы было *лучше*,—а этому *лучше* конца нѣтъ, и потому нѣтъ предѣловъ человѣческому стремленію, неудовлетворимости и недовольству. Мы не потому чувствуемъ себя удаленными отъ идеала истины, что знаемъ еще слишкомъ мало, не изучили всего, а когда изучимъ, тогда будемъ владѣть полною истиной, и все для насъ будетъ ясно. Мы чувствуемъ, что многое для насъ никогда не будетъ ясно, и притомъ многое такое, что составляетъ сущность истины и бытія, существеннѣйшій вопросъ нашей собственной природы и жизни,—что мы никогда всего не узнаемъ и не изучимъ, что область знанія и бытія безпредѣльна. Мы чувствуемъ, что самый нашъ органъ познанія какъ то тѣсенъ и мелокъ; повсюду, во всякой области знанія и бытія, мысль наша встрѣчаетъ предѣлы, предъ которыми останавливается, какъ предъ несокрушимою стѣною, смутно сознавая однако-жъ, что тамъ-то за этими предѣлами и находится то, что составляетъ самую основу, сущность знанія и бытія. Самыя коренныя истины, самыя первыя основанія всякаго знанія остаются недоступными для свободныхъ операцій нашего ума, — мы ничѣмъ ихъ не можемъ выяснить, доказать и повѣрить; и поэтому-то мы чувствуемъ, что не только не

Библиотека "Руниверс"

можемъ знать всего,—но и ничего не можемъ знать вполнѣ твердо и основательно,—ни для одного знанія своего не можемъ указать незыблемыхъ, первичныхъ основаній, далѣе которыхъ не о чемъ было бы уже и спрашивать, передъ которыми останавливалась бы всякая критика и сомнѣніе. Мы чувствуемъ, кромѣ того, что умъ нашъ точно какъ будто находится въ какомъ-то болѣзненномъ разбитомъ состояніи, — не можетъ обнять цѣльно своего собственнаго содержанія, не можетъ вывести вполнѣ точныхъ итоговъ и изъ того, что уже узнано имъ; схватывая одно, упускаетъ изъ виду другое,—изощряя свою способность въ одной области, дѣлается неспособнымъ въ другой. Мы чувствуемъ, что умъ находится въ какомъ-то разладѣ съ другими силами души: гдѣ слишкомъ развивается отвлеченная мысль, тамъ слабѣетъ живое чувство и способность практической дѣятельности, — и наоборотъ. Точно какъ будто вся душа у человѣка находится въ какомъ то разрозненномъ и разбитомъ состояніи. Мы видимъ наконецъ, что умъ нашъ гораздо болѣе владѣетъ разрушающею, чѣмъ созидающею силой: подкопать, подорвать всякую истину онъ можетъ, а построить и укрѣпить вполнѣ твердо — ни одной. Точно также и въ нравственной области человѣческой жизни отсутствіе идеала, мы чувствуемъ, зависитъ не отъ какихъ-либо внѣшнихъ обстоятельствъ или временныхъ условій, а отъ состоянія самой природы человѣческой. Напрасно говорятъ, что человѣкъ бываетъ пороченъ и золъ, потому что дурно воспитанъ и живетъ въ дурныхъ общественныхъ условіяхъ. Вѣрнѣе нужно сказать, что воспитаніе человѣческое и условія общественной жизни имѣютъ и будутъ имѣть недостатки потому именно, что они измышляются и устрояются тѣмъ же нравственно-несовершеннымъ испорченнымъ человѣкомъ. Напрасно говорятъ, что человѣческіе пороки и преступленія происходятъ исключительно отъ невѣжества или бѣдности. Во-первыхъ, когда же человѣкъ будетъ знать все, или будетъ вполнѣ доволенъ тѣмъ, что есть у него? Во-вторыхъ, мы

Библиотека "Руниверс"

на опытѣ видимъ, что умноженіе богатства, даже умноженіе знанія далеко не всегда сопровождается усовершенствованіемъ нравственности въ жизни отдѣльныхъ людей и цѣлыхъ человѣческихъ обществъ.

Такъ, мы видимъ и чувствуемъ, что неидеальное состояніе человѣческой жизни зависитъ не отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, не отъ временныхъ условій, а отъ извѣстнаго состоянія самой человѣческой природы. Поэтому-то, сколько ни измѣняются внѣшнія обстоятельства и временныя условія жизни, сколько ни трудится и страдаетъ человѣкъ надъ осуществленіемъ своего идеала,—идеалъ все остается далекъ отъ него чуть ли не такъ же, какъ и прежде былъ. Частныя знанія болѣе и болѣе наростаютъ въ человѣчествѣ; но становится ли человѣкъ ближе къ идеалу истины? Основные вопросы жизни остаются для него чуть ли не такъ же темны, какъ были и прежде, — и каждое частное открытіе въ области знанія все болѣе раздвигаетъ предъ человѣкомъ горизонтъ неизвѣстнаго. Средствъ къ удовлетворенію потребностей жизни становится все больше и больше, но становится ли человѣкъ довольнѣе и счастливѣе? По мѣрѣ увеличенія средствъ, еще въ большей, навѣрное можно сказать, степени увеличиваются и раздражаются самыя человѣческія потребности. Системы воспитанія, формы жизни общественной и политической становятся лучше, гуманнѣе, справедливѣе. Но становится ли человѣкъ — строго говоря — лучше, нравственнѣе, добродѣтельнѣе, любящѣе? Коренныя страсти человѣческія — гордость, зависть, ненависть, любостяжательность, плотоугодіе, лѣность — источникъ всѣхъ пороковъ, столкновеній и преступленій въ родѣ человѣческомъ, остаются въ сущности однѣ и тѣ же во всѣ вѣка, во всѣхъ племенахъ, на всѣхъ ступеняхъ развитія цивилизаціи. Цивилизація даетъ имъ болѣе утонченную форму выраженія; но вмѣстѣ съ тѣмъ и самый ядъ страстей дѣлается болѣе тонокъ и ядовитъ. Злоба человѣка развитаго опаснѣе злобы дикаря. Злодѣй, дѣйствующій утонченными орудіями

Библиотека "Руниверс"

слова и интриги, наноситъ иногда человѣчеству зла болѣе отъявленнаго вора и убійцы, идущаго на благосостояніе ближняго прямо съ дубиной и топоромъ. Развитіе жизни человѣческой подвигается впередъ какъ въ добромъ, такъ и въ зломъ; умножаются и совершенствуются орудія и средства къ устроенію благосостоянія въ родѣ человѣческомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ умножаются и совершенствуются орудія и средства разрушительныя,—и изобрѣтатели и усовершенствователи тѣхъ и другихъ, едва ли не въ равной степени, пользуются названіемъ дѣятелей человѣческаго прогресса, благодѣтелей человѣческаго рода. Развивается и совершенствуется родъ человѣческій, а лукавства, хитрости, эгоистической жестокости, взаимнаго недовѣрія между людьми едва ли не становится болѣе, чѣмъ прежде,—а преступленій совершается и крови проливается въ родѣ человѣческомъ въ нашъ просвѣщеннѣйшій и гуманнѣйшій XIX вѣкъ едва ли менѣе, чѣмъ въ самыя дикія и грубыя времена. Ужели же можно думать, что такой прогрессъ дѣйствительно когда-нибудь приведетъ человѣчество къ его конечной цѣли—къ идеаламъ истины, добродѣтели, безмятежнаго мира, довольства и счастія?

Нѣтъ; природа и жизнь человѣческая, несмотря на все развитіе и внѣшнія измѣненія, происходящія въ ней, въ сущности оставалась одна и та же въ продолженіе многихъ предшествующихъ вѣковъ—съ тѣми же заблужденіями, страстями и несчастіями. Нѣтъ основаній предполагать, чтобы когда-либо въ послѣдующіе вѣка природа сдѣлалась иная, чтобы когда-либо настал̆ъ въ жизни человѣческой періодъ безмятежнаго, идеальнаго состоянія безъ ошибокъ и заблужденій, неудачъ и неудовлетворенныхъ стремленій, борьбы страстей и страданій, если только не совершится какого-либо особеннаго, чрезвычайнаго переворота въ жизни человѣческой, если не произойдетъ измѣненія въ самыхъ коренныхъ условіяхъ и состояніи ея. Мало того, мы такъ привыкли къ настоящему состоянію и условіямъ природы и жизни человѣческой, что иныхъ себѣ и представить не можемъ. Мы

Библиотека "Руниверс"

такъ привыкли къ своимъ заблужденіямъ и страстямъ, неудовлетвореннымъ стремленіямъ и страданіямъ, борьбѣ и злу, что тамъ, гдѣ все это кончается, по нашему представленію, и жизнь должна кончиться. Состояніе безмятежнаго покоя и счастія, полнѣйшаго обладанія истиною, благомъ и красотою безъ всякой неполноты, недовольства, неудовлетворенныхъ стремленій, колебаній, страстей и борьбы или совсѣмъ невообразимо для насъ, или представляется намъ чуть не состояніемъ какой-то неподвижности, застоя и спячки—мертвеннаго оцѣпенѣнія или животнаго отупѣнія. Ужели же этимъ должно все кончиться? Ужели послѣ всего этого движенія—послѣ всѣхъ этихъ колебаній и волненій неудовлетворенныхъ стремленій и борьбы, жизнь человѣчества, какъ и жизнь отдѣльнаго человѣка, должна кончиться смертью, и послѣ этого ничего уже не будетъ — какъ для человѣческой личности, такъ и для всего человѣчества? Но въ такомъ случаѣ какой же смыслъ, какую цѣль будетъ имѣть жизнь человѣческая въ тѣсномъ и широкомъ смыслѣ этого слова? Движеніе безъ разумной цѣли, стремленіе безъ удовлетворенія, трудъ безъ смысла и пользы, бытіе для уничтоженія! Гдѣ же эти идеалы истины и добродѣтели, мира и счастія, которые съ такою неотразимою силой влекутъ къ себѣ человѣческую природу? Что это за необъяснимое противорѣчіе, что за темная тайна человѣческой жизни?...

V.

Можетъ быть оно такъ и есть на самомъ дѣлѣ? «Жизнь, говорятъ, есть неразрѣшимое противорѣчіе, нескончаемая борьба, неразъяснимая тайна». Но этотъ отвѣтъ — не отвѣтъ. Зачѣмъ же во мнѣ неискоренимое стремленіе разрѣшить это противорѣчіе, объяснить эту тайну? Что такое противорѣчіе

Библиотека "Руниверс"

и тайна сами въ себѣ? Мы понимаемъ ихъ только по отношенію къ нашему сознанію. Что имѣетъ противорѣчіе само въ себѣ, то, по нашему сознанію, не можетъ существовать. «Жизнь есть борьба», это также одно изъ любимыхъ положеній нашего времени, часто примѣняемое не только къ жизни человѣческой, но и къ бытію всего существующаго. «Борьба, говорятъ, вездѣ. Въ природѣ неодушевленной однѣ стихіи борятся съ другими, сильнѣйшія берутъ верхъ надъ слабѣйшими, и въ этомъ—основаніе для всѣхъ явленій жизни. Въ мірѣ животномъ одна порода непрестанно враждуетъ съ другою, сильнѣйшая преодолѣваетъ слабѣйшую, и въ этомъ—жизнь и усовершенствованіе міра животнаго. Точно также и въ жизни человѣчества: борятся между собою личности и племена, стремленія и силы—сильнѣйшее всегда беретъ верхъ надъ слабѣйшимъ, и въ этомъ—смыслъ, законъ и прогрессъ жизни человѣчества». Но здѣсь опять неизбѣжно представляется вопросъ, имѣетъ ли начало и конецъ эта борьба, или она есть въ собственномъ смыслѣ вѣчная, нескончаемая борьба? Если она чѣмъ-нибудь кончится, уничтожится ли съ нею самая жизнь, сущность которой она составляетъ: но въ такомъ случаѣ изъ-за чего же вся эта борьба и какой смыслъ имѣетъ жизнь? Ужели все существующее только затѣмъ и существуетъ, чтобы одно уничтожалось и пожиралось другимъ, и въ концѣ концовъ все было пожрано ничтожествомъ?... Или и по окончаніи этой борьбы возможна будетъ жизнь уже безъ борьбы, совершенно при новыхъ условіяхъ! Но въ такомъ случаѣ борьба уже не будетъ необходимою и коренною сущностію жизни: жизнь представляется возможною подъ какими-то другими условіями, нежели при какихъ она теперь существуетъ; а какія это другія условія, и какъ можетъ совершиться переходъ отъ однихъ условій къ другимъ, мы—живущіе и мыслящіе при настоящихъ условіяхъ жизни—не можемъ себѣ этого и представить. Или въ самомъ дѣлѣ жизнь есть *вѣчная*, нескончаемая борьба? Но мы опять не можемъ понять смысла этой борьбы. Не-

Библиотека "Руниверс"

примиримое противорѣчіе въ самой мысли представляется намъ нелѣпостью. Непримиримое же противорѣчіе въ бытіи и жизни не можетъ намъ представляться иначе, какъ невозможностью.

Откуда могло бы явиться это противорѣчіе? Нѣкоторыя древнія религіозныя и философскія системы пытались объяснить всѣ противорѣчія жизни вѣчною борьбою двухъ враждебныхъ между собою равносильныхъ и самобытныхъ первоначалъ бытія. Какъ ни странно это можетъ показаться, какъ ни далекимъ считаетъ себя наше время отъ воззрѣній Зороастровой религіи,—однакожъ вѣрно то, что отраженіе этихъ воззрѣній, хотя не во всей, конечно, ихъ искренности и послѣдовательности, мы можемъ иногда встрѣтить въ научномъ и даже поэтическомъ представленіи жизни у людей ближайшаго намъ времени. Но это воззрѣніе осуждаетъ себя самымъ, можно сказать, своимъ существованіемъ; ибо оно въ самой основѣ бытія и жизни допускаетъ непримиримое противорѣчіе, а намъ, какъ мы уже сказали, даже въ мысли непримиримое противорѣчіе представляется нелѣпостью, непримиримое же противорѣчіе въ жизни—совершенною невозможностью. Такимъ образомъ теоретическій смыслъ этого воззрѣнія падаетъ предъ логическими требованіями нашего ума.

А нравственный смыслъ его еще хуже. Здѣсь возводятся къ принципу бытія такія явленія жизни, съ которыми умъ и сердце честнаго человѣка не могутъ примириться даже и въ томъ случаѣ, когда они представляются только ненормальными и исключительными случайностями, искаженіями жизни, каковы всѣ явленія лжи и зла, ненависти и несчастія.... Всякое преступленіе, всякое зло могутъ найти себѣ оправданіе,—болѣе нежели оправданіе, законность и освященіе въ этомъ міровоззрѣніи. Ибо, по этому міровоззрѣнію,—зла, преступленія и лжи, строго говоря, и не существуетъ,—зло, преступленіе и ложь суть такія же идеально-божественныя явленія, какъ и явленія совершенно противоположнаго порядка, т. е. истина, добродѣтель, любовь. Только на время одинъ

Библиотека "Руниверс"

порядокъ беретъ верхъ надъ другимъ, и явленія порядка побѣждаемаго называются ложью, преступленіемъ и зломъ; а потомъ другой порядокъ возметъ верхъ и названныя нами явленія получатъ названіе истины, святости и добродѣтели; а то, что нынѣ называется истиною, святостью и добродѣтелью будетъ ложью, зломъ и преступленіемъ; а потомъ опять наоборотъ и т. д., нескончаемая борьба на вѣки. Отсюда въ людяхъ, сознательно и не сознательно придерживающихся этого воззрѣнія, большое сочувствіе къ *тому*, кто въ общемъ неизвращенномъ представленіи человѣческомъ считается виновникомъ и отцемъ лжи и зла, къ мрачному, гордому, непокорному, злому, и будто бы несправедливо несчастному дьяволу, котораго нѣкоторые даже и не изъ поклонниковъ какого либо древняго, грубаго, языческаго суевѣрія такъ именно прославляютъ и почитаютъ подъ именемъ сатаны или демона, или подъ какими нибудь другими болѣе смягченными и замаскированными именами и аллегоріями. Отсюда же въ людяхъ, сознательно или несознательно придерживающихся такого міровоззрѣнія, особенное сочувствіе къ такимъ людямъ, которые наиболѣе напоминаютъ собою дьявола по своей гордости и злобѣ, жестокости и эгоизму, упрямству и ненависти, и эти-то преступныя и гибельныя страсти считаются иногда чуть не образцами добродѣтели, которыми шаткія и искаженныя головы тщеславятся, и которымъ считаютъ нужнымъ подражать, всячески стараясь казаться демоническими натурами, т. е. наиболѣе подобными демону. Разумѣется, для того, чтобы возбудить сочувствіе къ демонскимъ свойствамъ гордости, злобы и упрямства, которымъ, въ ихъ прямомъ видѣ, никакая самая испорченная человѣческая природа не можетъ сочувствовать, для украшенія ихъ берутся свойства вовсе несроднаго, противоположнаго имъ, идеальнаго порядка, преимущественно свойства силы, красоты и правды. Но это уже уступка, которую извѣстное міровоззрѣніе допускаетъ въ пользу противоположнаго міровоззрѣнія; ибо оно само, такъ сказать, невольно сознаетъ, что безъ подобныхъ усту-

Библиотека "Руниверс"

покъ въ строгой послѣдовательности, оно не можетъ существовать по своей крайней нелѣпости и дикости....

Здѣсь, въ этомъ воззрѣніи, даже и въ наиболѣе смягченномъ его видѣ, къ которому, можетъ быть—и несознательно, показываютъ какъ будто склонность нѣкоторые изъ новѣйшихъ мыслителей, проповѣдуется и становится основнымъ закономъ прогресса—господство грубой силы и жестокости. Что взяло верхъ надъ другимъ, то и право, законно, свято и совершенно. Правъ волкъ, задравшій овцу, правъ левъ, растерзавшій волка. Тотъ же законъ прилагается и къ прогрессу человѣческой жизни. Правда, въ наши времена нельзя открыто проповѣдывать насилія и злодѣйства. Теорію насилія стараются прикрасить и подкрѣпить мыслію, заимствуемою совершенно изъ другой теоріи, что въ жизни всегда беретъ перевѣсъ правая сторона надъ неправою, истина надъ ложью, зло надъ добромъ. Но это во первыхъ, какъ мы уже говорили, не всегда оказывается правдой, а во-вторыхъ, это—мысль, не вытекающая прямо изъ разсматриваемой нами системы насилія и взаимноистребленія, а заимствуемая ею изъ другаго міровоззрѣнія.... Впрочемъ, въ наше время находятся и такіе мыслители, которые чуть не прямо говорятъ, что правъ мошенникъ, пользующійся неосторожностью честнаго человѣка, правъ американскій плантаторъ, угнетающій негра, правы піонеры европейской цивилизаціи, истребляющіе туземныхъ жителей Африки, Америки и Австраліи, правъ былъ бы и какой-нибудь новый Аттила, который бы съумѣлъ, подобно прежнимъ временамъ, поднять дикія орды и задавить европейскую цивилизацію,—и это, по смыслу теоріи, было бы полезно для прогресса и цивилизаціи человѣчества. И напротивъ, по смыслу теоріи, виновата овца, пожираемая волкомъ, виноватъ честный и мирный человѣкъ, поддающійся обману ловкаго мошенника, или насилію грубаго деспота, виноватъ негръ, работающій на жестокаго плантатора, виноваты слабыя племена, истребляемыя сильными. И по справедливости первыя при-

Библиотека "Руниверс"

тѣсняются, унижаются и истребляются послѣдними; и человѣчество много пріобрѣтаетъ отъ того, что слабое и незлобивое истребляется, а сильное и жестокое беретъ верхъ въ жизни.... Дальше, дальше отъ этой грубой, дикой, звѣрской теоріи непрестанной борьбы, насилія и взаимно-истребленія! Все, что есть лучшаго въ природѣ человѣческой, возстаетъ противъ нея. Это хула, клевета на жизнь, а не объясненіе жизни....

VI.

Есть и другія воззрѣнія на жизнь, не менѣе рѣзкія и мрачныя. «Жизнь сама по себѣ есть зло, несчастіе, страданіе. Жизнь есть вѣчное проклятіе, вѣчная иронія Высшей Судьбы. Жизнь есть пустая и глупая шутка, какъ весьма неумно сказалъ одинъ изъ умныхъ, впрочемъ, извѣстныхъ намъ людей въ минуту душевной невзгоды. Или жизнь—даръ случайный, даръ напрасный—судьбою тайной на казнь обречена, сказалъ другой извѣстный намъ умный человѣкъ, когда, по собственному сознанію, у него «сердце было пусто и празденъ умъ». Вотъ воззрѣніе, которое, можетъ быть, никогда не было формулировано серьезно философски, и не можетъ быть удобнымъ для строгой философской постановки по причинѣ его крайней нелѣпости, но которое тѣмъ не менѣе, все-таки высказывается нерѣдко людьми, или на самомъ дѣлѣ сильно измученными жизнію, или своимъ безнравсвеннымъ и противоестественнымъ образомъ жизни испортившими себѣ чувство жизни—въ минуту крайней душевной невзгоды. А еще чаще подобное воззрѣніе высказывается для фразы и щегольства такими людьми, которые только хотятъ казаться многоизвѣдавшими и разочарованными, въ такія минуты, когда у нихъ бываетъ въ высшей степени сердце

Библиотека "Руниверс"

пусто, праздненъ умъ. или желудокъ испорченъ и карманъ пустъ.... Можно сказать, что люди, усвояющіе себѣ подобнаго рода воззрѣнія, сами отрицаютъ свое право на жизнь; ибо зачѣмъ же имъ жить, если жизнь для нихъ есть вѣчное зло, вѣчное страданіе безъ всякой надежды лучшаго исхода и если для нихъ всегда есть возможность избавиться отъ этого зла? Нѣкоторые, до послѣдней степени извратившіе въ себѣ лучшій даръ природы—чувство жизни, и на самомъ дѣлѣ употребляютъ иногда непринадлежащее имъ право самовольно избавиться отъ жизни. Но большая часть такихъ, которые называютъ жизнь проклятіемъ, зломъ и страданіемъ для красоты рѣчи и изъ желанія озадачить другихъ особенностью своихъ взглядовъ и стремленій, преспокойно ѣдятъ, пьютъ, спятъ, веселятся и пользуются всѣми благами жизни иногда на счетъ благосостоянія другихъ, дѣйствительно утѣсняемыхъ и несчастныхъ людей. Такимъ образомъ они собственною жизнію обличаютъ и опровергаютъ свой взглядъ на жизнь. Фраза, что «жизнь есть пустая и глупая шутка» можетъ имѣть долю справедливости не въ отношеніи вообще къ жизни человѣческой, а въ отношеніи развѣ къ личной жизни подобныхъ отрицателей, которая у нихъ, съ хулою противъ жизни на словахъ и животнымъ пользованіемъ всякими благами жизни на дѣлѣ, выходитъ дѣйствительно похожею на какую-то пустую и глупую шутку.

Жизнь сама по себѣ и не искоренимое чувство жизни, общее всѣмъ людямъ. сохраняющееся у человѣка въ самыя трудныя минуты. не покидающее его до послѣдняго истощенія жизни, служитъ наилучшимъ облегченіемъ и опроверженіемъ того мрачнаго отрицательнаго взгляда, будто вся жизнь есть зло и несчастіе. Несправедливъ и одностороненъ тотъ взглядъ на жизнь, что она есть высшій идеалъ и полное счастіе для человѣка. Но все-таки это, по крайней мѣрѣ, доброе слово, выходящее изъ благодушнаго настроенія, изъ свѣтлаго довѣрія, изъ чувства уваженія и благодарности къ жизни, благами которой всѣ мы, въ извѣстной мѣрѣ, поль-

Библиотека "Руниверс"

зуемся въ мнѣніи, будто вся жизнь есть страданіе и зло — болѣе несправедливости — жестокой, злой, неблагодарной несправедливости. Все-таки въ жизни счастія и добра больше, чѣмъ горя и зла; все-таки счастіе и добро понимаются человѣкомъ какъ норма-идеалъ жизни, а несчастіе и зло, какъ уклоненіе отъ этого идеала... Легкомысленно и недостойно человѣка, всю жизнь смѣяться и не задумываться серьезно надъ тѣмъ, что жизнь представляетъ недобраго; но еще болѣе малодушно и недостойно благородной природы человѣческой — всю жизнь плакать, жаловаться, роптать и не чувствовать того, что есть лучшаго въ жизни, и не быть благодарнымъ за тѣ счастливыя мгновенья, которыхъ все-таки жизнь всякому человѣку даетъ больше, чѣмъ несчастныхъ.

Наконецъ, имѣетъ ли этотъ мрачный взглядъ на жизнь хоть какой-нибудь серьезный философскій смыслъ, объясняетъ ли онъ сколько нибудь тайну жизни?... Мало сказать, что жизнь есть страданіе и зло; но откуда же и зачѣмъ это страданіе и зло, если идеалъ жизни есть счастіе и добро? Неужели, въ самомъ дѣлѣ, можно представлять себѣ жизнь кокою-то злою шуткой (ироніей), или гнѣвнымъ, проклятіемъ Высшей Силы? Но за что же, или для чего? Прилично ли представлять себѣ злую иронію, или безпричинный гнѣвъ въ той Высшей Силѣ, отъ которой произошла и зависитъ жизнь, какъ бы кто ни называлъ и ни представлялъ себѣ эту силу? Нѣтъ, это дерзкая и страшная хула и клевета не только на все, что есть лучшаго въ жизни, но и на все, что есть Высшаго и святаго надъ жизнію. Не приведись никому дойти до такого состоянія, чтобы отъ муки ли душевной или отъ праздности и пустоты умственной, позволить себѣ высказывать такія хульныя и нелѣпыя воззрѣнія на жизнь, или отзывы о жизни!...

Библиотека "Руниверс"

VII.

«Можетъ быть, уму человѣческому и не нужно доискиваться смысла жизни; можетъ быть, въ ней совсѣмъ нѣтъ никакого смысла. Можетъ быть вся жизнь есть безсмыслица, не существенность, призракъ, сонъ полный видѣніями и иллюзіями, то чарующими, то пугающими, но въ которыхъ доискиваться смысла и реальнаго содержанія такъ же трудно, какъ въ грезахъ спящаго или въ бреду умо-изступленнаго. Можетъ быть, и мое собственное существованіе есть мечта, и самое стремленіе къ рѣшенію вопроса о смыслѣ жизни— иллюзія и безсмыслица». Странно съ перваго взгляда такое воззрѣніе, а между тѣмъ оно несомнѣнно существуетъ и неоднократно высказывалось. Оно было послѣдовательно развиваемо въ цѣлыхъ религіозныхъ системахъ нѣкоторыхъ народовъ востока, въ цѣлыхъ научныхъ системахъ наисерьезнѣйшихъ философскихъ умовъ. И нѣтъ ни одного факта не только въ жизни человѣческой, но и во всемъ мірѣ дѣйствительномъ, существованіе и смыслъ котораго не были бы подвергаемы сомнѣнію умомъ человѣческимъ. Были люди, весь міръ внѣшній называвшіе призракомъ, произведеніемъ собственнаго человѣческаго *я*. Были люди, подвергавшіе сомнѣнію вопросъ о своемъ собственномъ существованіи. Были люди, говорившіе, что можетъ быть и существуетъ что-нибудь, но что именно и какъ оно существуетъ, никто этого знать не можетъ, а наше такъ называемое познаніе о мірѣ есть призракъ, иллюзія.

Можно подумать, что подобныя воззрѣнія высказывались изступленными умами въ сумасшедшихъ домахъ. Нѣтъ говоримъ, они высказывались наисерьезнѣйшими, наикрѣпчайшими представителями новѣйшей европейской мысли, высказывались не мимоходомъ подъ вліяніемъ дурнаго расположенія духа, или въ видѣ шутки — игры оригинальнаго ума,—нѣтъ, серьезнѣй-

Библиотека "Руниверс"

шимъ образомъ проповѣдывались въ знаменитѣйшихъ европейскихъ университетахъ, — развивались въ обширныхъ и стройныхъ системахъ, производившихъ обаяніе на человѣческую мысль, увлекавшихъ за собою толпы послѣдователей. Это можетъ служить знаменательнымъ свидѣтельствомъ того, до какихъ странностей способенъ доходить умъ человѣческій когда берется судить о предметахъ, выходящихъ за предѣлы его пониманія... Это можетъ также быть свидѣтельствомъ того, какъ труденъ, какъ тяжелъ для человѣчества этотъ важнѣйшій и существеннѣйшій для него вопросъ о смыслѣ и цѣли жизни. Ибо не безъ причины, говоримъ, — не ради шутки, не изъ каприза серьезнѣйшіе мыслители договаривались до такихъ странностей, когда задумывались надъ рѣшеніемъ вопроса жизни. Ихъ доводило до этихъ болѣзненныхъ мыслей крайнее напряженіе ума, сосредоточившаго всѣ свои силы, и искусственно отвлекавшагося отъ непосредственнаго чувства жизни при рѣшеніи труднаго вопроса. И ихъ мысли не представлялись имъ болѣзненными, странными, изступленными, напротивъ, казались самымъ строгимъ логическимъ выводомъ изъ наблюденія дѣйствительныхъ явленій жизни, самымъ правильнымъ опредѣленіемъ серьезныхъ отношеній человѣка къ жизни. И не только казались, но и на самомъ дѣлѣ онѣ были обоснованы и развиты строго логически. Ибо и на самомъ дѣлѣ умъ человѣческій можетъ доказать, если захочетъ, не только то, что весь міръ внѣшній и наше познаніе о немъ есть мечта или, по крайней мѣрѣ, фактъ недоказанный и неясный, но и то, что наше собственное существованіе и самая мысль наша—иллюзія или фактъ сомнительной достовѣрности. Это также хорошій показатель ненормальнаго состоянія и болѣзненнаго направленія нашего ума, который, какъ мы уже говорили, заподозрить, подвергнуть сомнѣнію и отвергнуть можетъ всякую истину, всякій фактъ мысли и жизни, а вполнѣ строго обосновать и прочно утвердить не можетъ ни одной истины, ни одного факта жизни. Это тотъ умъ, которымъ мы такъ гордимся, на ко-

Библиотека "Руниверс"

торый такъ надѣемся, который мы привыкли считать верховнымъ судьею и рѣшителемъ всего не только подлежащаго, но и не подлежащаго его разумѣнію, который нерѣдко осмѣливается такъ самоувѣренно возставать противъ того, что выше его, противополагать себя самому уму Божію. Этотъ-то умъ, мы говоримъ, и не въ припадкѣ только случайнаго изступленія, а напротивъ въ самомъ строгомъ логическомъ развитии своемъ, способенъ доходить до отрицанія своего собственнаго и всякаго другого существованія...

Нужно ли серьезно опровергать это крайнее отрицательное воззрѣніе на жизнь,—нужно ли серьезно доказывать, что жизнь не мечта, не призракъ, не сонъ, а дѣйствительность? Не думаемъ. Сама жизнь и ея непосредственное чувство, ни на одинъ моментъ не покидающее ни одного человѣка,—самое неопровержимое доказательство дѣйствительности жизни. И не можетъ быть ни одного скептика, который бы не поддавался неотразимой силѣ этого доказательства. Сколько бы въ теоріи ни сомнѣвался кто въ дѣйствительности внѣшняго міра или своего собственнаго существованія, или въ достовѣрности своего познанія о мірѣ и самомъ себѣ, на практикѣ всякій скептикъ вѣритъ въ эти первичные—такъ сказать—факты и аксіомы жизни и мысли, и живетъ, сообразуясь съ своей вѣрой,—ѣстъ и пьетъ, мыслитъ, желаетъ и дѣйствуетъ, не считая потребностей своей природы за иллюзію, чувствуетъ удовольствіе и неудовольствіе, какъ дѣйствительное, а не призрачное удовольствіе и неудовольствіе, разсчитываетъ и соображаетъ, находя въ самомъ опытѣ основаніе и повѣрку для своихъ соображеній,—прилаживается къ обстоятельствамъ жизни, увѣренный въ дѣйствительномъ существованіи внѣшняго міра и въ достовѣрности своихъ познаній о немъ. Пора бы мысли человѣческой и въ теоріи оставлять такія странныя представленія о жизни, которыя оказываются противорѣчащими самымъ основнымъ фактамъ жизни и сознанія... Жизнь есть несомнѣнная дѣйствительность, а не призракъ, не сонъ, не мечта.

Библиотека "Руниверс"

VIII.

Такъ, жизнь есть дѣйствительность, и поэтому несомнѣнно долженъ быть и есть въ ней какой-нибудь смыслъ. Но таково ли въ ней положеніе самого человѣка, чтобы ему можно было понять или уловить эту тайну — сокровенный смыслъ жизни. «Жизнь есть громадный, необъятно сложный механическій процессъ, неизвѣстно когда, неизвѣстно какъ, неизвѣстно для чего приведенный въ движеніе, но движущійся непрестанно по однимъ и тѣмъ же неизмѣннымъ и всюду дѣйствующимъ законамъ. Личность человѣка среди безчисленныхъ рядовъ другихъ существъ занимаетъ весьма незначительное мѣсто въ этомъ громадномъ процессѣ,—и она увлечена общимъ движеніемъ, и въ человѣческой жизни непрестанно дѣйствуютъ и обнаруживаются тѣ же самые законы, которымъ подчиняется все существующее. Увлеченный общимъ процессомъ жизни, человѣкъ ничего себѣ и представить не можетъ внѣ этого процесса и законовъ, дѣйствующихъ въ немъ; ибо онъ самъ движется въ этомъ процессѣ и подчиняется его законамъ. Поэтому ему нечего и спрашивать себя о томъ, какъ, когда, для чего и надолго ли приведена въ движеніе эта машина,—вопросы эти неразрѣшимы для него и потому безполезны, у человѣка нѣтъ никакихъ данныхъ для разрѣшенія ихъ. Начало и конецъ бытія (если только оно имѣетъ начало и конецъ) находятся внѣ его наблюденія и опыта. Человѣкъ познаетъ бытіе только въ его движеніи, среди котораго и самъ находится,—и потому только законы и условія этого движенія доступны его наблюденію и опыту... Сущность вещей (если только въ нихъ есть какая-нибудь внутренняя сущность) недоступна человѣку; бытіе вещей открывается человѣку въ ихъ отношеніяхъ между собою, и потому человѣческому вѣдѣнію доступны только отношенія вещей. Поэтому человѣку нужно однажды навсегда

Библиотека "Руниверс"

положить себѣ за правило—не тратить попустому времени, оставить неразрѣшимые и потому безполезные вопросы и толки о внутренней сущности вещей—о началѣ и цѣли жизни, и изучать жизнь въ ея дѣйствительномъ проявленіи и движеніи,—изучать законы и условія этого движенія, изучать взаимныя отношенія вещей. Нужно оставить всякія высшія умствованія и мечтанія, всякую метафизику и философію, и обратить исключительное вниманіе на фактъ, наблюденіе, точное эмпирическое познаніе».

Вотъ еще модное и ходячее между многими мыслителями нашего времени воззрѣніе; мы высказываемъ его своими словами коротко, но кажется вѣрно передаемъ смыслъ его. Наше время въ исторіи развитія человѣческой мысли принадлежитъ именно къ тѣмъ эпохамъ усталости, какъ бы нѣкотораго унынія и упадка философской мысли, когда она, утомившись и ослабѣвши въ безплодномъ напряженіи надъ рѣшеніемъ высшихъ вопросовъ жизни (а напряженіе философской мысли передъ нашею эпохой было весьма сильно, такъ что по временамъ дѣйствительно доходило какъ бы до нѣкотораго омраченія и умоизступленія), бѣжитъ отъ этихъ вопросовъ, старается отдѣлаться отъ нихъ, отвести глаза, забыть, уничтожить ихъ,—возвратиться къ обыденному внѣшнему смыслу жизни, и ограничить кругъ своего вѣдѣнія наблюденіемъ внѣшнихъ явленій жизни. Подобныя попытки самоуничиженія человѣческой мысли бывали и прежде послѣ крайняго напряженія философской мысли, но никогда, какъ мы уже упоминали, не были успѣшны. Человѣчество никогда не можетъ отдѣлаться отъ этихъ вопросовъ, стереть, уничтожить ихъ, не измѣнивши своей собственной сущности, не отказавшись отъ глубочайшихъ стремленій своей природы. Напрасно говорятъ, что теперь безвозвратно прошло для человѣчества время высшихъ философскихъ умствованій и метафизическихъ вопросовъ. Такъ всегда думала всякая нефилософская эпоха, всякое подобное разсматриваемому нами, враждебное философіи направленіе. Давнымъ давно и много разъ объявляемъ былъ конецъ вся-

Библиотека "Руниверс"

кимъ высшимъ умствованіямъ и метафизическимъ вопросамъ. Но никогда это не сбывалось на самомъ дѣлѣ. Отвергая въ своихъ заключеніяхъ (по крайней мѣрѣ на словахъ) произволъ мысли, настаивая на томъ, чтобы въ сужденіяхъ человѣческихъ всегда дѣлалось заключеніе отъ факта къ факту, разсматриваемая система, оставаясь вѣрною своему методу, должна прійти и къ тому заключенію, что если человѣчеству, несмотря на совѣты многихъ мудрецовъ, никогда не удавалось прежде забыть и уничтожить своихъ высшихъ вопросовъ и идеальныхъ стремленій, то это не удастся ему и теперь, и впередъ никогда не удастся. Философія, опирающаяся на фактъ, поставляющая сущность знанія въ изученіи факта, должна признать, что существованіе высшихъ вопросовъ о началѣ смыслѣ и цѣли жизни и идеальное стремленіе къ разрѣшенію этихъ вопросовъ есть глубочайшій и неотразимый фактъ человѣческой природы и жизни, гораздо болѣе всякихъ другихъ внѣшнихъ фактовъ стоющій вниманія и изученія. Странно, какъ система, питающая и высказывающая такое уваженіе къ фактамъ, пропускаетъ безъ вниманія важнѣйшій фактъ жизни—живую человѣческую душу съ ея глубочайшими стремленіями и требованіями. Стремленія къ разрѣшенію высшихъ вопросовъ о началѣ, сущности и цѣли бытія и жизни такъ глубоки и неотразимы въ природѣ человѣческой, что отъ нихъ, при всемъ желаніи своемъ, не могутъ отдѣлаться даже тѣ самые мыслители, которые отрицаютъ всякое значеніе этихъ вопросовъ, всякое стремленіе къ метафизическимъ умствованіямъ. И прежній и нынѣшній матеріализмъ, совершенно отвергающій значеніе всякихъ высшихъ вопросовъ, и не признающій въ жизни никакого внутренняго сокровеннаго смысла, кромѣ того, который сказывается во внѣшнихъ явленіяхъ, и нынѣшній такъ называемый позитивизмъ, справедливо признающій эти вопросы недоступными и неразрѣшимыми для человѣка, только выводящій отсюда поспѣшное и неубѣдительное для природы человѣческой заключеніе, что человѣку нужно совсѣмъ оставить эти вопросы,—они все-таки

Библиотека "Руниверс"

сами никакъ не могутъ удержаться отъ того, чтобы не сказать своего слова по поводу этихъ вопросовъ. При всей ихъ враждѣ ко всякой метафизикѣ, ко всякимъ высшимъ міровоззрѣніямъ и системамъ, у нихъ есть своя метафизика, свои міровоззрѣнія и системы...

Но только какая это грубая метафизика, какія узкія и бѣдныя по содержанію, не стройныя по формѣ и развитію (не говоримъ уже—обидныя для человѣческаго достоинства и опасныя для нравственности) міровоззрѣнія и системы!.. Одно изъ нихъ, наиболѣе, ходячее мы уже высказали. «Бытіе—сложная машина, жизнь—никогда не останавливающійся механическій процессъ» Здѣсь рѣшеніе всему. Но мы не можемъ удовлетвориться этимъ отвѣтомъ. Кто же устроилъ эту машину, или какъ она устроилась? Откуда взялся матеріалъ для устройства, и какимъ образомъ этотъ матеріалъ сложился въ правильныя формы? Какъ пришла машина въ движеніе, и кто предписалъ законы этому движенію? Имѣетъ-ли это движеніе правильность и смыслъ, или оно совершенно случайно, безпорядочно и безсмысленно? Къ чему направляется это движеніе, какой будетъ конецъ всему, или это движеніе безъ смысла и направленія, безъ конца и цѣли—случайность, хаосъ, путаница, безсмыслица? Наконецъ, какимъ образомъ въ этомъ бездушномъ механизмѣ является духовность, жизнь, сознаніе, свободное расположеніе и дѣйствіе? Но можетъ быть все это только такъ кажется? Можетъ быть, и душа есть только механическій снарядъ, и жизнь,—случайное соединеніе и разложеніе механическихъ и химическихъ элементовъ? Можетъ быть, и самое сознаніе есть только функція извѣстнымъ образомъ сложившейся матеріальной массы, и наше свободное расположеніе и дѣйствіе—вовсе не свободное расположеніе и дѣйствіе, а необходимый и неизбѣжный результатъ внѣшнихъ давленій и вліяній? Можетъ быть, я только незначащая спица въ большой колесницѣ жизни, вмѣстѣ съ другими колесами необходимо увлекаемая въ извѣстную сторону общимъ движеніемъ колесницы, неспособная ни сойти съ своего мѣста, ни пере-

Библиотека "Руниверс"

мѣнить своего движенія, ни дать направленія общему движенію, и мнѣ только кажется (хотя неизвѣстно, почему же кажется); что я живу самостоятельною жизнью, свободно мыслю, движусь и дѣйствую? Такъ именно или почти такъ и разсуждаютъ послѣдователи извѣстной системы, желая оставаться вѣрными себѣ. Тяжело, мертво, противно, безсмысленно! Жалко видѣть, какъ люди мыслящіе унижаютъ себя ниже безсловесныхъ животныхъ, приравниваютъ себя къ вещамъ бездушнымъ,—люди, желающіе мыслить свободно и благородно, проповѣдуютъ систему грубаго безсмыслія и нравственнаго безразличія. Нужно надѣяться, что подобныя увлеченія не могутъ имѣть надолго прочнаго вліянія между людьми. Людямъ слишкомъ дорога своя душа, своя мысль, своя воля, чтобы они стали отказываться отъ души, мысли и воли, и это отреченіе даже возводить въ принципъ жизни. Неотразимое убѣжденіе въ дѣйствительности собственнаго сознанія, хотя и несовершенно изъятаго отъ внѣшнихъ явленій, въ дѣйствительно самоопредѣляющейся волѣ, хотя и ограниченной внѣшними условіями, человѣкъ носитъ въ себѣ самомъ; и проявленія и доказательства этого сознанія и этой воли всякій чувствуетъ на каждомъ шагу въ своей жизни. И нѣтъ человѣка, который бы не вѣрилъ въ свою мысль и въ свою волю, и не жилъ бы всю жизнь этою вѣрой,—нѣтъ такихъ людей, говоримъ мы, не исключая въ своемъ положеніи и самыхъ крайнихъ матеріалистовъ, отвергающихъ всякую духовность и всякую свободу. Ибо и они на практикѣ въ жизни признаютъ то, что отрицаютъ въ теоріи на словахъ; ибо и они на самомъ дѣлѣ вѣрятъ въ духовность и жизнь, въ свободную мысль и волю иногда гораздо болѣе, чѣмъ иные послѣдователи противоположныхъ имъ воззрѣній. И нужно быть способнымъ слишкомъ отрываться отъ факта и жизни, чтобы во имя уваженія къ факту жизни, отрицать самую жизнь,—и нужно пріучиться слишкомъ лукавить умомъ и словомъ, чтобы въ теоріи на словахъ совершенно отрицать то, что всегда исповѣдуется на дѣлѣ въ жизни...

Библиотека "Руниверс"

IX.

Но довольно. Вѣрно, въ памятникахъ произведеній человѣческой мысли не найдти намъ удовлетворительнаго отвѣта на нашъ вопросъ о смыслѣ и цѣли жизни. Мы разсмотрѣли наиболѣе извѣстныя воззрѣнія на жизнь, существовавшія въ родѣ человѣческомъ, развивавшіяся въ замѣчательнѣйшихъ религіозныхъ и философскихъ системахъ, и подъ тѣми или другими формами, съ тѣми или другими оттѣнками и измѣненіями находящіяся, можно сказать, почти постоянно въ обращеніи между людьми. Какъ всѣ они поверхностны, односторонни, узки, не соотвѣтственны самому простому, непосредственному пониманію жизни! Какъ многія изъ нихъ мрачны, жестки, тяжелы, обидны для человѣческаго достоинства, опасны для человѣческой нравственности! Долго ли человѣческая мысль будетъ безплодно напрягаться и мучиться надъ рѣшеніемъ этого вопроса, не имѣя силъ ни оторваться отъ него, ни удовлетворительно разрѣшить его,—долго ли будетъ она, въ своемъ непрестанномъ стремленіи—открыть и сказать новую великую истину, опять и опять возвращаться къ старымъ неправильностямъ и заблужденіямъ?

А между тѣмъ людямъ давно открыто одно такое воззрѣніе на жизнь, которое разрѣшаетъ главнѣйшія трудности, устраняетъ существеннѣйшія противорѣчія разсматриваемаго нами вопроса, и уясняетъ его по крайней мѣрѣ на столько, на сколько это возможно и нужно для нашихъ существенныхъ потребностей. Это воззрѣніе не умомъ человѣческимъ придумано и составлено. Умъ человѣческій, какъ это можно видѣть изъ самостоятельныхъ его опытовъ въ изслѣдованіи тайны жизни,—не можетъ рѣшить этого вопроса. Это естественно уже потому, что умъ человѣческій самъ поставленъ на опредѣленное мѣсто въ кругу бытія, и непрестанно увлекается процессомъ жизни; поэтому онъ не можетъ съ своей точки зрѣнія

Библиотека "Руниверс"

ничего видѣть внѣ этого процесса,—онъ не можетъ обнять и охватить мыслею неизмѣримой области бытія. Умъ человѣческій не творецъ и не владыка мірозданія,—онъ не былъ свидѣтелемъ устройства міра и не знаетъ, къ чему направлена его жизнь; поэтому, имѣя возможность изучать и познавать міръ въ его существующемъ состояніи и въ его внѣшнихъ проявленіяхъ, умъ человѣческій не можетъ сказать ничего опредѣленнаго о началѣ, внутренней сущности и конечной цѣли міробытія. Не говоримъ уже о томъ, что умъ человѣческій, какъ это опять видно изъ безпристрастнаго наблюденія надъ его дѣятельностью, находится не совсѣмъ въ нормальномъ и здоровомъ, но въ какомъ-то разбитомъ состояніи, и поэтому не можетъ свѣтло и правильно отражать въ себѣ сущности вещей. То воззрѣніе, о которомъ мы говоримъ, дано человѣку Высшимъ Умомъ—Тѣмъ Умомъ, Который сотворилъ и поддерживаетъ все существующее, и Которому поэтому въ совершенствѣ извѣстны начало, сущность и конечная цѣль всякаго бытія. Мы разумѣемъ то воззрѣніе на жизнь, которое дано человѣку въ Божественномъ откровеніи—христіанское міровоззрѣніе. Что это міровоззрѣніе не умомъ человѣческимъ придумано, а дѣйствительно свыше дано человѣку для озаренія его жизненнаго пути,—это доказывается какъ несравненнымъ внутреннимъ его превосходствомъ предъ всѣми произведеніями ума человѣческаго, безпримѣрнымъ вліяніемъ на жизнь частныхъ людей, народовъ и цѣлаго человѣчества, такъ и самою исторіею его происхожденія, безчисленными знаменіями сверхъ-естественной Божіей Силы, безчисленными свидѣтельствами величайшихъ, благороднѣйшихъ, нравственнѣйшихъ личностей въ родѣ человѣческомъ, жившихъ и умиравшихъ во имя этого великаго міровоззрѣнія.

Это міровоззрѣніе вамъ давно и должно быть хорошо извѣстно. Это то міровоззрѣніе, которое вѣроятно почти всѣмъ изъ васъ внушали съ ранняго дѣтства добрые матери и отцы, воспитательницы и воспитатели, научая васъ, какъ благоговѣйно слагать персты и произносить первыя священ-

Библиотека "Руниверс"

ныя слова въ молитвѣ. Это то воззрѣніе, которымъ живутъ кругомъ васъ неисчислимые милліоны людей, и въ которомъ они находятъ свѣтъ, нравственную опору и утѣшеніе въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ жизни. Это то воззрѣніе, которое спасло человѣчество отъ духовнаго мрака и нравственной гибели, и которое поэтому съ такимъ восторгомъ принято было человѣчествомъ, что цѣлыя тысячи благороднѣйшихъ личностей готовы были идти на смерть для того, чтобы засвидѣтельствовать предъ заблуждавшимъ міромъ божественную истину этого міровоззрѣнія. Съ большею или меньшею степенью искренности и сознательности вы пріучились относиться съ уваженіемъ къ истинамъ, открывающимся въ немъ, какъ къ высшимъ священнымъ истинамъ. Вы знаете, что эти истины необходимы человѣку для спасенія, для жизни будущей. Но есть, можетъ быть, нѣкоторые между вами, которые слово «спасеніе» понимаютъ въ исключительномъ и неопредѣленномъ смыслѣ, которые думаютъ, что то, что важно и дорого человѣку для жизни будущей, мало имѣетъ отношенія къ настоящей жизни. Можетъ быть, немногіе изъ васъ надлежащимъ образомъ могутъ понимать и цѣнить, какой свѣтъ, какая животворная сила, какая твердая нравственная опора и въ настоящей жизни дается человѣку религіознымъ христіанскимъ міровоззрѣніемъ. Нужно много жить и умѣть глубоко понимать жизнь, нужно много думать, и думать серьезно и искренно—не ради препровожденія времени или упражненія процесса мысли, а для уясненія себѣ существеннѣйшихъ вопросовъ и задачъ жизни, нужно или самому испытать тѣ тяжкія колебанія, сомнѣнія и мученія, какія приходится испытать человѣку, силящемуся прояснить для себя тайну жизни, или по крайней мѣрѣ знать и понимать, какъ испытываютъ эти колебанія и мученія другіе люди,—разумѣется не тѣ, которымъ все равно—имѣть такія или другія убѣжденія или никакихъ не имѣть, и не тѣ, которые, по мелкости душевной, разъ привязавшись къ извѣстной, хотя бы и очевидно неправильной и односторон-

Библиотека "Руниверс"

ней мысли, съ предубѣжденіемъ отвращаютъ свои глаза отъ всего, что не подходитъ подъ нее, а тѣ, которые искренно и горячо заботятся о томъ, чтобы составить себѣ правильныя убѣжденія; нужно умѣть понимать и цѣнить, какъ важенъ для человѣка этотъ процессъ внутренней жизни, чтобы полнѣе представить себѣ, какое великое благо для насъ—наша святая христіанская вѣра. Истинно, истинно говорю вамъ, чѣмъ больше живешь, чѣмъ больше всматриваешься въ жизнь, чѣмъ больше испытываешь въ жизни, чѣмъ серьезнѣе думаешь о жизни, чѣмъ глубже входишь въ самого себя,—тѣмъ болѣе научаешься цѣнить и понимать великую истину христіанскаго воззрѣнія на жизнь. Оно просто на видъ, это воззрѣніе,—и просто по своей сущности, т.-е. истина его безъ особенныхъ умствованій дается всякой не ослѣпленной пристрастіями и предразсудками душѣ, и поэтому ее могутъ усвоять себѣ и образованные и необразованные, и сильные и слабые, знатные и не знатные, женщины и дѣти. Оно не ослѣпляетъ нашихъ глазъ блескомъ особенно смѣлой оригинальности и необычайно хитраго построенія—подобно разнымъ философскимъ системамъ, изъ которыхъ иные какъ будто являлись въ міръ не столько затѣмъ, чтобы просвѣтить, укрѣпить и утѣшить людей, а скорѣе затѣмъ, чтобы удивить, озадачить и ослѣпить ихъ. По этой безъискусственной простотѣ и естественности своей, по этой общедоступности и общепримѣнимости, инымъ умамъ, слишкомъ привыкшимъ къ внѣшнему блеску и хитрости, изъ какого-то умственнаго аристократизма любящимъ думать не такъ, какъ думаютъ другіе люди по простотѣ и общедоступности своей,—христіанское міровоззрѣніе кажется не довольно строгимъ, не довольно глубокимъ и высокимъ, не довольно философскимъ. Но нужно внимательно и безпристрастно вникнуть въ глубокое содержаніе истинъ, открывающихся въ этомъ воззрѣніи, въ ихъ поразительную стройность и согласіе между собою, такъ что каждое отдѣльное положеніе находится въ связи со всѣми другими, ими поясняется и под-

Библиотека "Руниверс"

тверждается, и само въ свою очередь служитъ къ проясненію и подтвержденію всего ученія,—въ особенности нужно обратить вниманіе на глубочайшее соотвѣтствіе открывающихся здѣсь истинъ съ потребностями души и дѣйствительными показаніями человѣческой жизни, нужно сравнить эти истины съ тѣми поспѣшными, незрѣлыми, односторонними и крайне отвлеченными отъ жизни отвѣтами на жизненные вопросы, которые даются въ другихъ такъ называемыхъ самостоятельныхъ, собственнымъ умомъ человѣческимъ выработанныхъ, воззрѣніяхъ и системахъ,—что бы видѣть какая по истинѣ высокая, глубокая. свѣтлая и жизненная философія заключается въ нашемъ христіанскомъ міровоззрѣніи.

Правда, въ немъ есть довольно неяснаго для насъ, въ немъ есть тайны; многое изъ нихъ проясняется человѣку по мѣрѣ проясненія его собственнаго ума и очищенія сердца., но многое навсегда остается тайною. По крайней мѣрѣ, христіанское міровоззрѣніе и не старается обольщать человѣка несбыточною для него надеждою всевѣдѣнія, которая такъ легко переходитъ въ крайнее разочарованіе и скептицизмъ относительно возможности всякаго вѣдѣнія; оно не старается выдавать человѣку непостижимаго за понятное, какъ это дѣлается въ другихъ философскихъ системамъ, и тайну такъ и называетъ тайною. Оно прямо открыто и совершенно согласно съ сознаніемъ и опытомъ самой души человѣческой указываетъ человѣку, что онъ можетъ узнать и сдѣлать собственнымъ умомъ, и въ чемъ ему необходимо нужно для собственнаго блага довѣриться Высшему, Совершеннѣйшему Уму. И умъ человѣческій, который видитъ много непонятнаго для себя и въ обыкновенныхъ явленіяхъ жизни, который для себя самого во многихъ отношеніяхъ есть тайна, можетъ ли требовать того, чтобы для него все было ясно въ самыхъ высшихъ и глубочайшихъ вопросахъ жизни, гдѣ конечное—такъ сказать, соприкасается съ безконечнымъ, и умъ человѣческій входитъ въ общеніе съ

Библиотека "Руниверс"

умомъ Божественнымъ? Но самая свѣтлость, высота и жизненность тѣхъ истинъ нашей вѣры, которыя имѣютъ непосредственное, ближайшее и понятное намъ самимъ отношеніе къ жизни, и въ то же время ихъ тѣснѣйшая связь съ тѣми высшими истинами, которыхъ непосредственнаго отношенія къ жизни мы не видимъ и не понимаемъ, помимо всякихъ другихъ доказательствъ и свидѣтельствъ—одно это можетъ служить для насъ ручательствомъ свѣтлости, высоты, жизненности и этихъ послѣднихъ сверхъестественныхъ истинъ, и убѣждать насъ въ необходимости и спасительности довѣрія къ нимъ со стороны человѣка. Наконецъ, что еще обращаетъ на себя особенное вниманіе въ нашемъ христіанскомъ міровоззрѣніи (съ его, такъ-сказать, философской стороны, не говоримъ о нравственно-жизненной, съ которою даже и сравниваемы быть не могутъ никакія другія міровоззрѣнія), это необыкновенная всеобъемлемость и такъ-сказать безпристрастіе христіанскаго воззрѣнія ко всякимъ другимъ воззрѣніямъ. Христіанское міровоззрѣніе, по сущности своей хотя и не есть произведеніе человѣческаго ума, однако оно не становится въ такое исключительное враждебное отношеніе къ другимъ міровоззрѣніямъ, составленнымъ умомъ человѣческимъ, въ какомъ они находятся между собою. Онъ стоитъ выше всего этого, оно не отрицаетъ и не охуждаетъ безусловно ни одной искренней и честной работы человѣческаго ума;—все истинное, разумное, жизненное, что только есть въ различныхъ философскихъ и даже религіозныхъ системахъ, обнимается имъ, и отвергается только крайнее, одностороннее, произвольное, ложное и вредное.

Мы не имѣемъ возможности и надобности излагать и раскрывать здѣсь въ полнотѣ и цѣлости христіанское религіозное ученіе. Припомнимъ кратко только тѣ частныя черты его, которыя имѣютъ ближайшее отношеніе къ затронутымъ нами выше вопросамъ человѣческой души и жизни, тѣмъ вопросамъ, которые составляютъ вѣчный предметъ недоразумѣній и противорѣчій во всѣхъ другихъ міровоззрѣніяхъ и

Библиотека "Руниверс"

системахъ, силящихся объяснить тайну жизни безъ пособія Божественнаго откровенія.

X.

Жизнь человѣческая, по христіанскому міровоззрѣнію, дѣйствительно создана и предназначена для истины, добра и счастія, ибо она есть отраженіе жизни божественной, какъ и самъ человѣкъ есть образъ Божій. Поэтому-то въ человѣкѣ—такое глубокое, неискоренимое стремленіе къ идеаламъ истины, добра и счастія. Поэтому нѣтъ человѣка, который бы сознательно предпочиталъ истинѣ ложь, добру зло, счастію страданіе. Душа человѣческая сама ясно сказываетъ о своемъ назначеніи. Но между тѣмъ дѣйствительность жизни человѣческой далеко не соотвѣтствуетъ ея идеальнымъ стремленіямъ. Человѣкъ сознательно предпочитаетъ истину, а часто лжетъ,—любитъ добро, а дѣлаетъ зло,—ищетъ мира и счастія, а остается неудовлетворенъ и недоволенъ. Ясный признакъ,—что жизнь человѣческая находится въ ненормальномъ состояніи, уклонилась отъ своего идеала. Каково было первоначальное, идеальное состояніе человѣческой жизни, и какъ могло въ ней совершиться уклоненіе отъ ея идеала, этого не можетъ объяснить человѣку никакая философія; ибо умъ человѣческій, знающій жизнь человѣческую только въ ея настоящемъ неидеальномъ состояніи, не можетъ даже и представить себѣ иного идеальнаго состоянія, ни объяснить, какъ могъ совершиться переходъ изъ одного состоянія въ другое. Христіанское міровоззрѣніе отвѣчаетъ намъ на этотъ вопросъ догматомъ о паденіи человѣка и первородномъ грѣхѣ—т. е. наслѣдственной нравственной порчѣ человѣческой природы, перешедшей отъ родоначальника человѣчества на всѣхъ его потомковъ. Человѣкъ, какъ образъ Божій, какъ существо стремя-

Библиотека "Руниверс"

щееся къ истинѣ, добру и блаженству, до тѣхъ поръ былъ блаженъ и святъ, пока находился въ союзѣ съ своимъ Первообразомъ—Богомъ, Источникомъ истины, добра и блаженства. Человѣкъ нарушилъ свой союзъ съ Богомъ, исказилъ свою природу и отпалъ отъ истины, добра и блаженства. Какъ совершилось это паденіе,—какъ нравственная порча человѣческой природы отъ родоначальника человѣчества, дѣятельно нарушившаго союзъ съ Богомъ, стала передаваться его потомкамъ,—это въ существѣ своемъ остается для насъ тайною; ибо сколько бы Божественное Откровеніе ни проясняло человѣку эту тайну, самъ умъ человѣческій, какъ мы уже сказали, знающій человѣческую жизнь только въ нынѣшнемъ ея ненормальномъ состояніи, не можетъ даже представить себѣ прежняго нормальнаго состоянія и понять того, какъ могъ совершиться переходъ отъ нормальнаго состоянія къ ненормальному. Но вѣрно то, что этотъ великій и несчастный нравственный кризисъ произошелъ въ человѣческой природѣ; объ этомъ свидѣтельствуетъ самое противорѣчіе, замѣчаемое въ человѣческой жизни, т.-е. непрестанное противорѣчіе между истиной и ложью, добромъ и зломъ, правдой и неправдой, красотой и безобразіемъ и т. д. Если бы жизнь человѣческая по самой сущности своей предназначена была только къ тому неидеальному состоянію, въ которомъ теперь находится, то откуда же въ ней это неискоренимое стремленіе къ высшимъ идеаламъ? А если жизнь предназначена къ осуществленію высшихъ идеаловъ истины, добра и счастія, то какъ могли явиться въ ней уклоненія отъ этихъ идеаловъ и прямыя противоположности имъ—ложь, зло, страданіе? Вѣрно то, что Самъ Первообразъ человѣческаго духа, Богъ—Источникъ истины, добра и блаженства—не могъ быть виновникомъ уклоненія человѣка къ лжи, злу и несчастію (ибо мы не иначе можемъ и представлять Его себѣ, какъ совершеннѣйшею Полнотою истины, святости и блаженства, отъ которой никакъ не можетъ произойти ложь, зло и страданіе). Слѣдовательно вина ненормальнаго состоянія человѣческой природы находится въ самомъ чело-

Библиотека "Руниверс"

вѣкѣ. И это также совершенно согласно съ свидѣтельствомъ собственнаго самосознанія человѣческаго; ибо, какъ ни противны идеальнымъ стремленіямъ души человѣческой ложь и зло, тѣмъ не менѣе человѣкъ, какъ существо самосознающее и самоопредѣляющееся, себя самого, а не другаго кого, признаетъ непосредственнымъ виновникомъ той лжи и того зла, которыми наполнилась его жизнь.

Впрочемъ жизнь человѣческая представляетъ намъ не совершенное отрицаніе своего высшаго идеала. а только уклоненіе отъ него; образъ Божій, по ученію откровенія божественнаго, искаженъ въ природѣ человѣческой, но не совершенно утраченъ ею. Въ человѣкѣ сохранились черты образа Божія, хотя разбитыя, разрозненныя и искаженныя,—сохранилась въ немъ и главнѣйшая черта первобытнаго состоянія—стремленіе къ своему Первообразу, къ совершеннѣйшей истинѣ, добру и блаженству. По этому человѣкъ не удаленъ совершенно отъ источника свѣта и блаженства въ вѣчную область мрака, лжи, зла и страданія. Онъ оставленъ жить среди міра Божьяго, окруженный со всѣхъ сторонъ знаменіями Божіей мудрости и любви, чрезъ посредство которыхъ онъ можетъ, хотя косвеннымъ и отдаленнымъ путемъ, входить въ нѣкоторое общеніе съ Первоисточникомъ истины, добра и блаженства. Отсюда опять открывается для человѣка возможность нѣкотораго совершенства и счастія даже и въ настоящемъ ненормальномъ состояніи его природы и жизни. Человѣкъ можетъ изучать и познавать въ окружающемъ его мірѣ дѣла мудрости Божіей, наслаждаться дарами Божіей любви, украшать свою жизнь дѣлами правды и добра, и тѣмъ возвышать и усовершать свою природу, и въ своей собственной душѣ созидать себѣ источникъ внутренняго довольства, мира и счастья. Но все-таки человѣкъ, въ разобщеніи съ Первоисточникомъ своего свѣта и блаженства, не можетъ быть вполнѣ доволенъ и блаженъ одними отдаленными отраженіями божественнаго свѣта во внѣшнемъ мірѣ и своей собственной жизни,—тѣмъ болѣе, что эти свѣтлыя

Библиотека "Руниверс"

отраженія божественной истины, любви, красоты, правды и добра повсюду омрачаются мрачными тѣнями заблужденія, ненависти, несправедливости, безобразія, порока. Поэтому, чѣмъ болѣе возвышается человѣкъ въ своемъ стремленіи къ высшему идеалу, тѣмъ болѣе открывается передъ нимъ уклоненіе отъ идеала и ненормальность настоящаго состоянія; отсюда неудовлетворимость и недовольство. И съ другой стороны, если человѣкъ постепенно болѣе и болѣе станетъ заглушать въ себѣ высшія идеальныя стремленія, и искать наслажденій только въ томъ, въ чемъ находятъ ихъ и всѣ животныя,—онъ все-таки не будетъ доволенъ и счастливъ. Ибо человѣкъ можетъ быть счастливъ только человѣческимъ счастьемъ; неумолкающій червь самосознанія и нравственнаго долга постоянно будетъ возбуждать его изъ животнаго самозабвенія,—и никакая неестественная мѣра животныхъ наслажденій не наполнитъ его, не имѣющихъ мѣры, желаній. Вотъ жизнь человѣческая! Ее очевидно нельзя назвать сплошнымъ зломъ, ложью, обманомъ, проклятіемъ, казнію, страданіемъ, какъ хульно называли ее иногда пессимисты, которымъ по преимуществу приходилось видѣть и испытывать темную ея сторону,—но точно также нельзя назвать жизнь и осуществленіемъ идеаловъ истины, добра и счастія, какъ фальшиво называли въ утѣшеніе себѣ и другимъ иные оптимисты, старавшіеся совсѣмъ не замѣчать темныхъ своронъ жизни.

Жизнь человѣческая представляется намъ по ученію Откровенія такою, какою она является и предъ непосредственнымъ нашимъ наблюденіемъ,—смѣшеніемъ истины и лжи, добра и зла, радостей и горестей. Отсюда противорѣчіе, борьба и нѣкоторая, такъ сказать, неразумность дѣйствительно становятся весьма существеннымъ и характеристическимъ признакомъ человѣческой жизни въ ея настоящемъ ненормальномъ состояніи. Свѣтлая сторона въ человѣческой жизни, можно сказать, нѣсколько преобладаетъ надъ темною; это можно сказать потому уже, что истина, добро и счастіе

Библиотека "Руниверс"

представляются душѣ человѣка, какъ норма, какъ идеалъ жизни,—а ложь, зло и страданіе,—какъ явленія ненормальныя, какъ уклоненія отъ идеала. Но все-таки такого состоянія человѣческой жизни очевидно нельзя назвать состояніемъ нормальнымъ. И весьма оскорбляютъ человѣческую природу въ ея лучшихъ чаяніяхъ и стремленіяхъ тѣ мудрецы, которые настоящій порядокъ жизни представляютъ человѣку за норму, за идеалъ, и стараются увѣрить его, что дальше ему нечего желать, нечего искать,— что жизнь всегда будетъ представлять противорѣчія между своими идеалами и дѣйствительнымъ состояніемъ—борьбу между добромъ и зломъ, истиною и ложью,—а откуда и зачѣмъ эта борьба, не объясняютъ. Сама человѣческая душа и жизнь человѣчества протестуютъ противъ этого. Душа человѣческая желаетъ и ищетъ чистаго идеала—чистой истины безъ примѣси заблужденія, совершеннаго добра не парализуемаго зломъ, полнаго счастія не возмущаемаго страданіями. Вся жизнь человѣчества представляетъ непрерывное дружное стремленіе къ этому идеалу. Человѣкъ непрестанно старается объ умноженіи своихъ познаній, чтобы открыть чистую истину и освободиться отъ предразсудковъ, ошибокъ и заблужденій, и преобразуетъ и старается улучшить формы и отношенія жизни, чтобы возстановить всюду добро, правду и миръ, и искоренить зло, неправду и вражду,—устрояетъ свой бытъ и старается приводить въ соотвѣтствіе сумму наслажденій жизни съ суммою потребностей природы,—чтобы установить довольство и счастіе, невозмущаемое недовольствомъ, жалобами и страданіями. Въ этомъ честномъ стремленіи къ идеалу и состоитъ такъ-называемый прогрессъ человѣческой жизни... Но иной вопросъ, достигаютъ-ли цѣли эти стремленія, можетъ-ли прогрессъ человѣческой жизни привести человѣчество къ его идеалу? Какъ мы уже знаемъ, иные мыслители, за неимѣніемъ лучшаго и болѣе вѣрнаго утѣшенія, хотѣли утѣшить человѣка положительнымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ,—но отвѣтъ ихъ выходилъ очень натянутъ и фальшивъ. Сама

Библиотека "Руниверс"

жизнь человѣческая не представляетъ условій къ достиженію искомаго идеала,—напротивъ, представляетъ постоянно и повсюду примѣры того, что стремленіе къ этому идеалу остается неудовлетвореннымъ. Милліоны людей, ряды поколѣній и народовъ умираютъ не нашедши своего идеала. Въ общей жизни человѣчества приближеніе къ идеалу не становится замѣтнѣе по мѣрѣ дальнѣйшаго движенія и развитія этой жизни. Умножаются знанія въ родѣ человѣческомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе раскидывается предъ человѣкомъ горизонтъ неизвѣстнаго,—и полное обладаніе истиной представляется человѣку и въ наши времена въ такой же далекой неизвѣстности, какъ тысячи лѣтъ назадъ. Преобразуются и совершенствуются формы жизни и отношенія между людьми, нравы людей становятся мягче,—но зло, неправда и ненависть между людьми находятъ для себя тысячи новыхъ формъ и вторгаются во всѣ новыя отношенія жизни. Преобразуется и устрояется внѣшній бытъ человѣка, непрестанно увеличиваются предметы для удовлетворенія человѣческихъ потребностей,—но вмѣстѣ съ тѣмъ растутъ и самыя потребности, растетъ и недовольство въ родѣ человѣческомъ... Искренно и серьезно всматриваясь въ себя самого и свою жизнь, человѣкъ долженъ сознать, что ненормальное состояніе его жизни зависитъ не отъ какихъ-либо внѣшнихъ обстоятельствъ и временныхъ условій, а имѣетъ основаніе во внутренней глубокой порчѣ самой человѣческой природы, и слѣдовательно не можетъ исправиться и измѣниться безъ коренного измѣненія самыхъ условій природы и жизни. Природа человѣческая оказывается такъ безсильна къ осуществленію своего идеала, что человѣкъ даже и представить себѣ не можетъ этого идеала; въ настоящемъ своемъ состояніи, какъ мы уже говорили, человѣкъ даже и представить себѣ не можетъ чистаго идеальнаго состоянія—полнаго обладанія истиной, добромъ и блаженствомъ, съ совершеннымъ отсутствіемъ заблужденія, порока и несчастія. И поэтому-то всѣ утѣшители человѣчества, обѣщающіе ему достиженіе идеала при настоящихъ условіяхъ жизни, обѣщающіе человѣчеству

Библиотека "Руниверс"

рай на землѣ, обыкновенно или умолкаютъ, когда доходитъ дѣло до описанія этого будущаго идеальнаго состоянія, или говорятъ пустѣйшія фразы, или представляютъ будущее идеальное состояніе человѣчества въ такомъ видѣ, что оно болѣе походитъ на какое-то животное отупѣніе, спячку, застой, смерть, а не на жизнь. Если же человѣкъ даже представить себѣ не можетъ своего идеала,—это, кажется, ясный признакъ того, что человѣкъ и достигнуть его не можетъ при настоящихъ условіяхъ своей природы и жизни,—что въ настоящемъ состояніи человѣческой природы нѣтъ условій къ воспріятію идеала.

Что же, ужели идеальное стремленіе человѣка такъ и останется неудовлетвореннымъ, и весь трудъ и прогрессъ человѣческой жизни будетъ движеніемъ безъ смысла и цѣли?.. Нѣтъ, природа человѣческая не допускаетъ и этого предположенія; сердце человѣческое не оставляетъ надежды на достиженіе идеала,—только умъ не можетъ сказать человѣку, какъ возможно достигнуть его,—и никакая философія не въ состояніи рѣшить человѣку этого вопроса.

Здѣсь опять божественное откровеніе приходитъ на помощь уму человѣка, и на вопросъ о возвращеніи къ идеалу (т. е. къ первобытному совершенству) отвѣчаетъ ему догматомъ объ искупленіи человѣка. Стремленіе природы человѣческой къ идеальной истинѣ, совершенному добру и счастію—не мечта и не ошибка, какъ убѣждена въ этомъ сама человѣческая природа. Въ этомъ стремленіи ясно сказывается потребность души человѣческой возвратиться къ своему Первообразу—Богу. Но сама по себѣ, при настоящихъ условіяхъ, природа человѣческая не можетъ выйти изъ своего нормальнаго состоянія, и возвратиться къ первобытному совершенству и блаженству. Здѣсь Самъ Богъ приходитъ на помощь стремленію человѣка къ возсоединенію съ Нимъ. Сама божественная Истина, Само совершеннѣйшее Добро и Блаженство, собезначальное и единосущное Богу Отцу Слово Божіе пришло съ неба на землю къ удалившемуся

Библиотека "Руниверс"

отъ свѣта и блаженства человѣку, тѣснѣйшимъ образомъ сроднилось съ нимъ, принявъ на себя человѣческую природу—человѣческую душу и тѣло—со всѣми свойствами человѣческой природы, кромѣ ея нравственной порчи, кромѣ грѣха. Само непричастное нравственной порчѣ человѣчества, вочеловѣчившееся Слово Божіе понесло на Себѣ за человѣчество всѣ послѣдствія нравственной порчи — униженія и страданія и самую позорную, мучительную смерть, какъ послѣднюю кару проклятія Божія за грѣхи человѣчества. Но непричастная грѣху и соединенная съ Божествомъ плоть Богочеловѣка не могла остаться достояніемъ смерти; силою Божества своего, Богочеловѣкъ Искупитель воскресилъ изъ мертвыхъ свою плоть въ обновленномъ и преображенномъ видѣ нетлѣнія и безсмертія— подобныхъ тому, какъ она была прежде до паденія человѣка. Такимъ образомъ положенъ начатокъ къ возстановленію и преображенію въ нетлѣніе и безсмертіе падшей, растлившейся грѣхомъ, и сдѣлавшейся смертною чрезъ грѣхъ, природы человѣческой. Искупленная и возстановленная въ первобытное совершенство природа человѣческая опять и еще несравненно въ высшей степени сдѣлалась причастницею совершеннѣйшаго свѣта и блаженства, — въ лицѣ Богочеловѣка вознесена на небо и сѣдитъ одесную Бога Отца. Такимъ образомъ возстановленъ и возвышенъ когда то нарушенный человѣкомъ тѣснѣйшій и глубочайшій союзъ духа человѣческаго съ Его Первообразомъ, Богомъ — Первоисточникомъ совершеннѣйшей истины, высочайшаго блага и блаженства.

Вотъ великій догматъ искупленія, разрѣшающій человѣку глубочайшую и важнѣйшую тайну его жизни, и открывающій свѣтлый исходъ глубочайшимъ задушевнымъ чаяніямъ и стремленіямъ человѣческой природы! Здѣсь все сверхъестественно и таинственно: какъ Божество соединилось съ человѣчествомъ, какъ непричастное грѣху могло подвергнуться всей тяжести послѣдствій грѣха, какъ подвергшееся смерти можетъ воскреснуть безсмертнымъ, какъ Божество

Библиотека "Руниверс"

сошло на землю, какъ человѣчество вознеслось на небо, — этихъ тайнъ никакъ нельзя приблизить къ разумѣнію человѣческому, потому что самый предметъ ихъ, какъ долженъ видѣть самъ человѣкъ, выходитъ за предѣлы того познанія и самаго бытія, въ которомъ вращается умъ человѣческій,— потому что эти вопросы касаются не только сокровеннѣйшихъ тайнъ природы и жизни человѣческой, но и совершенно недоступныхъ никакому ограниченному вѣдѣнію тайнъ природы и жизни Божественной. Да и какъ же мы могли бы желать совершенно понятнаго объясненія тому, что и по свидѣтельству собственнаго сознанія человѣческаго и напряженнѣйшихъ вѣковыхъ опытовъ, предпринимавшихся человѣческимъ умомъ для разъясненія этого вопроса, составляетъ неразрѣшимую тайну? Какъ жизнь человѣческая уклонилась отъ своего назначенія—отъ своего нормальнаго идеальнаго состоянія, и какъ она опять можетъ возвратиться къ своему назначенію — къ своему нормальному идеальному состоянію,—на это,какъ мы уже видѣли, и самый умъ человѣческій искренно и добросовѣстно можетъ отвѣчать не иначе, какъ такимъ образомъ: «что жизнь человѣческая уклонилась отъ своей нормы, это несомнѣнно доказываетъ ея дѣйствительность;—что она должна возвратиться къ своей нормѣ, этого требуетъ и чаетъ моя природа (отъ требованій и чаяній которой я не могу отказаться)—но первое могло совершиться, и послѣднее можетъ совершиться, только какимъ-либо необычайнымъ для меня, сверхъестественнымъ способомъ, т. е. такимъ, которому подобнаго я не знаю и не могу даже себѣ представить при настоящихъ условіяхъ своей жизни, которыми я связанъ, и внѣ которыхъ ничего не могу знать и представлять себѣ...»

По ученію божественнаго откровенія, само Божество приходитъ на помощь спасенію человѣка изъ его ненормальнаго состоянія; это тайна, это сверхъестественный способъ спасенія, но по крайней мѣрѣ не неестественный, непротивоестественный, т. е. нисколько не противный нашимъ пред-

Библиотека "Руниверс"

ставленіямъ о природѣ Божеской и человѣческой, но совершенно согласный съ понятіемъ о Божественной мудрости и любви, и съ глубочайшими потребностями и стремленіями самой человѣческой природы. А вотъ это было бы по истинѣ неестественно и противоестественно, противно всѣмъ законамъ мысли и жизни, еслибы кто сталъ увѣрять насъ, что ненормальное состояніе человѣческой жизни само собою измѣнится въ нормальное, что изъ отрицанія идеала выйдетъ идеалъ, изъ тьмы свѣтъ, изъ зла добро, изъ заблужденій истина, изъ страданій счастье. Нѣтъ,—рай, обѣщаемый человѣку и уготованный для него Богомъ на небѣ, хотя несомнѣнно есть предметъ сердечной вѣры, а не умственной увѣренности, однакожъ и для самаго ума человѣческаго имѣетъ гораздо болѣе условій вѣроятности, нежели рай, обѣщаемый человѣку иными утѣшителями человѣчества на землѣ, и имѣющій будто бы устроиться земными же руками человѣческими, а не всемогущими Божественными.

Но и въ Божественномъ Откровеніи спасеніе обѣщается человѣку Богомъ не безъ участія собственной свободы человѣка. Само Божественное откровеніе, согласно съ свидѣтельствомъ сознанія человѣческаго, признаетъ свободу человѣка фактомъ до того положительнымъ и непоколебимымъ, что считаетъ ее такъ сказать неприкосновенною для самой всемогущей воли Божіей. Богъ, однажды даровавъ человѣку свободу, не можетъ опять отнять ее у него. Богъ Самъ не можетъ направить отъ зла къ добру и спасти человѣка противъ его собственной воли. Это совершенно согласно съ убѣжденіемъ самого человѣка. Впрочемъ въ дѣлѣ спасенія со стороны человѣка не требуется какихъ-либо необычайныхъ и непосильныхъ для него подвиговъ; а требуется именно то, чего требуетъ сама человѣческая природа и ея настоящее состояніе, требуется, чтобы человѣкъ глубже вникнулъ въ себя самого и свою жизнь,—глубже сознала ея ненормальное состояніе, созналъ съ сокрушеніемъ сердца, какъ того требуетъ самое дѣло, живѣе почувствовалъ стремленіе выйдти изъ

Библиотека "Руниверс"

этого ненормальнаго состоянія, призналъ недостаточность собственныхъ силъ къ этому выходу, и живѣе поэтому почувствовалъ потребность благодатной божественной помощи ко спасенію. Какъ все это чудно естественно, какъ все это согласно съ потребностями и указаніями самой природы человѣка! Какъ удивительно, что умъ человѣческій измышлялъ человѣку множество самыхъ извилистыхъ и невѣрныхъ путей къ выходу изъ ненормальнаго состоянія, и не могъ остановиться на этомъ прямомъ и вѣрнѣйшемъ пути (хотя иногда—такъ сказать—и подходилъ къ нему). Но поэтому-то и говорится, что умъ человѣческій находится, какъ и вся человѣческая природа, въ извращенномъ состояніи. Поэтому-то и называется въ откровеніи божественномъ самое начало спасенія—вѣра—сверхъестественнымъ благодатнымъ Божіимъ даромъ, хотя она въ тоже время есть самое естественное проявленіе природы человѣческой. Поэтому-то и называется иго Божіе, т. е. обязанность человѣка заботиться о собственномъ спасеніи—игомъ тяжкимъ (для извращенной природы человѣка) и въ то же время—благимъ и легкимъ, т. е. дѣломъ самымъ сроднымъ человѣческой природѣ.

Чѣмъ болѣе человѣкъ старается жить и живетъ, какъ свойственно человѣку, тѣмъ болѣе развита въ немъ потребность и сила самосознанія, тѣмъ глубже онъ вникаетъ въ свою природу и въ свою жизнь, тѣмъ яснѣе сознаетъ ненормальное состояніе свое, тѣмъ живѣе чувствуетъ потребность и стремленіе выйдти изъ ненормальнаго состоянія и недостаточность собственныхъ силъ для этого, тѣмъ живѣе чувствуетъ потребность въ благодатной Божіей помощи ко спасенію, тѣмъ сильнѣе вѣруетъ въ сверхъестественную благодатную помощь, тѣмъ искреннѣе старается слѣдовать указаніямъ вѣры и осуществлять въ своей жизни ея высочайшіе идеалы. Вотъ для человѣка прямой и естественный путь ко спасенію! Не нужно при этомъ забывать, что ни въ одинъ моментъ на этомъ пути не оставляетъ человѣка безъ руководства и пособія благодатная сила Божія; ею на-

Библиотека "Руниверс"

чинается, продолжается и оканчивается дѣло спасенія. Чѣмъ болѣе прибѣгаетъ человѣкъ къ помощи Божіей, тѣмъ болѣе помогаетъ ему Богъ,—чѣмъ искреннѣе и крѣпче вѣруетъ въ спасающую силу Божію, тѣмъ яснѣе открываются плоды и свидѣтельство его вѣры въ его собственной жизни. При искреннемъ и твердомъ стремленіи къ спасенію, при пособіи благодатной силы Божіей, человѣку даже и при настоящихъ ненормальныхъ условіяхъ жизни, дается въ извѣстной степени чувствовать постепенное освобожденіе отъ этихъ ненормальныхъ условій, и возвращеніе къ первобытному нормальному состоянію. Высокіе подвижники вѣры и благочестія христіанскаго, даже въ настоящей жизни, среди окружающей ихъ тьмы заблужденій и предразсудковъ, страстей и пороковъ, ненависти и неправды, духовнаго безсилія и рабства, страданія и ропота благодатію Божіею возвышаются до невообразимой для другихъ людей высоты чистаго духовнаго разумѣнія, нравственнаго совершенства, внутренней свободы духа, господства надъ требованіями чувственности и условіями самой внѣшней природы, безмятежнаго внутренняго міра и блаженства, не возмущаемаго тяжкими внѣшними лишеніями и страданіями.

Впрочемъ сама божественная Сила не обѣщаетъ человѣку чуда, совершенно противнаго законамъ природы и нравственной жизни,—не обѣщаетъ человѣку идеальнаго состоянія при неидеальныхъ условіяхъ жизни,—не обѣщаетъ рая на землѣ и полнаго совершенства въ настоящей жизни; ибо нѣтъ здѣсь условій для этого. По ученію христіанскому, какъ бы ни былъ нравственно-высокъ, святъ и совершенъ человѣкъ, пока онъ носитъ плоть, пока онъ живетъ въ настоящей жизни, онъ не можетъ быть совершенно свободенъ отъ условій поврежденной природы,—онъ можетъ и заблуждаться, и падать нравственно, и уступать своей чувственности, и изнемогать подъ тяжестью болѣзней и страданій, и впадать въ малодушіе и ропотъ. Какое вѣрное пониманіе человѣческой природы! Насколько оно выше той безсильно-гордой и мало-

Библиотека "Руниверс"

душно-дерзкой философіи, которая почти безъ усилій и подвига обѣщаетъ человѣку такую степень совершенства, при которой будто даже невозможно дѣлается нравственное паденіе, или которая обѣщаетъ человѣчеству изъ заблужденій создать истину, изъ борьбы страстей нравственное совершенство, на страданіяхъ людей основать счастіе человѣчества, на землѣ устроить небо! Смерть, по ученію откровенія, или вообще измѣненіе человѣческой природы и жизни, есть необходимый и неизбѣжный для человѣческой природы конецъ земнаго существованія,—съ одной стороны естественное слѣдствіе нравственной порчи человѣчества—грѣха, сдѣлавшаго нетлѣнную и безсмертную природу тлѣнною и смертною,—съ другой стороны начало новой жизни при совершенно другихъ условіяхъ, гдѣ опять тлѣнное преобразится въ нетлѣніе и мертвенное въ безсмертіе. Смертію разрѣшаются всѣ противорѣчія жизни, и вся эта борьба между идеаломъ и отрицаніемъ идеала, между истиной и ложью, добромъ и зломъ, правдой и неправдой, любовью и ненавистью, счастіемъ и несчастіемъ. А тамъ начинается на одной сторонѣ жизнь безконечная, гдѣ нѣть ни болѣзни, ни печали, ни воздыханія, гдѣ нѣтъ ни заблужденія, ни порока, ни злобы, гдѣ безмятежно царствуютъ чистая истина, добро, правда, любовь, миръ, блаженство,—чего въ настоящемъ состоянія человѣкъ и представить себѣ не можетъ, чего око наше не видѣло, и ухо не слышало, и сердце наше предчувствовать не можетъ. А съ другой стороны—смерть безконечная, гдѣ нѣтъ ни луча свѣта, истины, добра, правды, счастія, гдѣ вѣчный мракъ, закоснѣлая ложь, нераскаянная злоба, безконечное страданіе, неумолкающій ропотъ и хула. Такая или другая участь человѣка въ вѣчной жизни зависитъ отъ его настоящей жизни—отъ того, насколько человѣкъ, находясь въ условіяхъ земной жизни, съумѣетъ, при помощи Божіей, сохранить и развить въ себѣ способность къ воспріятію блаженства—къ наслажденію истиною, добромъ и счастіемъ. Кто что посѣетъ здѣсь, тотъ то и пожнетъ тамъ.

Библиотека "Руниверс"

Чѣмъ болѣе кто научится вѣровать въ истину, добродѣтель, справедливость, миръ и любовь, и будетъ любить ихъ въ настоящей жизни, тѣмъ болѣе тотъ будетъ наслаждаться общеніемъ съ ними въ вѣчности. Чѣмъ болѣе у кого заглохнетъ и загрубѣетъ въ душѣ вѣра въ высшій идеалъ и самое чувство истины, добра, правды, мира и любви,—тѣмъ болѣе тотъ будетъ коснѣть и мучиться въ своей лжи, безнравственности, злобѣ и хулѣ въ жизни вѣчной.

XI.

Вотъ вамъ въ общихъ чертахъ и слабою рукою начертанное христіанское воззрѣніе на человѣческую жизнь. Здѣсь разрѣшаются всѣ тѣ важнѣйшіе вопросы человѣческой души, которые составляютъ вѣчный предметъ недоразумѣній и противорѣчій для ума человѣческаго. Здѣсь нѣтъ противорѣчія дѣйствительности,— лжи и клеветы на жизнь. Здѣсь нѣтъ ни фальшивой лести предъ жизнію, ни дерзкой хулы на жизнь, какія встрѣчаются въ другихъ системахъ, въ другихъ воззрѣніяхъ. Здѣсь самое вѣрное указаніе прямаго и глубокаго, хотя и не безусловно идеальнаго смысла жизни. Земная жизнь человѣческая, по христіанскому воззрѣнію, есть временное странствованіе души, уклонившейся отъ своего назначенія, и опять ищущей его. Жизнь есть кратковременный путь къ вѣчной цѣли существованія. Жизнь есть приготовленіе къ вѣчности,— жизнь есть школа, въ которой мы, подъ руководствомъ Божественнаго Промысла, научаемся любить истину, добродѣтель, справедливость, миръ и любовь, чтобъ умѣть наслаждаться ими въ вѣчности. Такъ, или почти такъ, говорили христіанскіе мудрецы, великіе подвижники свѣтлой богопросвѣщенной мысли и высокой благодатной жизни. Усвойте это воззрѣніе умомъ и сердцемъ, сдѣлайте его руководительнымъ

Библиотека "Руниверс"

началомъ своей жизни,—и вы будете имѣть свѣтъ и опору въ жизни, — и васъ не смутятъ никакія противорѣчія жизни, — и вы будете тверды и непоколебимы не только предъ испытаніями и тяжестями жизни, но и предъ самымъ страхомъ смерти.

Смотрите на жизнь, какъ на временное странствованіе, или какъ на школу, въ которой нужно готовиться къ вѣчности. Не полагайте въ ней послѣдней цѣли своего существованія, не ищите здѣсь своего высшаго идеала, не ожидайте полнаго осуществленія своимъ желаніямъ и стремленіямъ, —чтобы, привязавшись къ временному, не забыть о вѣчномъ назначеніи своемъ. Иначе вы и перваго не достигнете, и другое потеряете. Иначе сама жизнь разобьетъ ваши идеалы, отравитъ ваши надежды, и вы потеряете вкусъ и наслажденіе даже въ тѣхъ дарахъ жизни, какіе онъ дастъ вамъ. Но и не относитесь къ жизни съ легкомысленною неблагодарностью или мрачнымъ отрицаніемъ. Не унижайте цѣну жизни. Жизнь—великое сокровище, великій даръ Божій. Она кратковременна, удовольствія ея неполны; но трудомъ ея пріобрѣтается блаженная вѣчность со всѣми высочайшими наслажденіями. Всячески остерегайтесь хулы и ропота на жизнь. Никогда не позволяйте себѣ легкомысленно и дерзко называть ея—ни обманомъ, ни безсмыслицей, ни проклятьемъ или карою. Она бываетъ такою только для тѣхъ, которые сами дѣлаютъ ее для себя обманомъ, безсмыслицей или проклятьемъ и карой. Не требуйте отъ настоящей жизни слишкомъ многаго. Иначе то, что она дастъ на вашу долю, будетъ казаться вамъ слишкомъ малымъ. Не ищите здѣсь однихъ радостей, успѣховъ и наслажденій, но умѣйте быть благодарными за всякій даръ жизни, за всякую радость, за всякій успѣхъ свой, за всякій успѣхъ чужой, за всякое добро, сдѣланное вами, за всякое добро, сдѣланное другими. Не унывайте и отъ самыхъ неудачъ, лишеній и испытаній жизни. Умѣющему пользоваться жизнью самыя неудачи и испытанія обращаются во благое. Какъ путникъ во время

Библиотека "Руниверс"

странствованія, умѣйте мириться со всѣми неудобствами и непріятностями временнаго странствованія, и радуйтесь и будьте благодарны за все пріятное, что встрѣтится вамъ— въ надеждѣ полнаго утѣшенія и успокоенія на постоянномъ пристанищѣ, по окончаніи странствованія.

Старайтесь постоянно имѣть въ виду существенную цѣль и задачу жизни. Старайтесь, при помощи Божіей, развивать и воспитывать въ себѣ тѣ благородныя склонности и стремленія своей природы, которыя обѣщаютъ вамъ блаженство въ будущемъ,—и подавлять и искоренять тѣ дурныя склонности и страсти, которыя могутъ быть источникомъ казни и мученія. Призывая Бога на помощь, учитесь любить истину, добродѣтель, справедливость, миръ и любовь, чтобъ умѣть наслаждаться ими, когда настанетъ царство истины, добра, правды, мира и любви. Жизнь вамъ хорошая школа; здѣсь на всякомъ мѣстѣ и во всякое время вы можете найти множество случаевъ и предметовъ къ упражненію въ истинѣ, добродѣтели, справедливости, человѣколюбіи. А пройдетъ жизнь, тамъ уже поздно будетъ учиться. Тамъ уже придется или наслаждаться въ общеніи съ Вѣчной истиной, добромъ и любовью, или вѣчно страдать въ удаленіи отъ нихъ, если не воспитаете въ себѣ способности къ общенію съ ними.

Дорожите временемъ, которое вамъ дано для исполненія вашей жизненной задачи. Не тратьте времени праздно, тѣмъ болѣе не тратьте его дурно. Каждый часъ въ жизни дорогъ, минута можетъ имѣть значеніе для вѣчности. Помните, что ни одна минута, праздно или дурно проведенная вами, не возвратится къ вамъ,—ни одна самомалѣйшая доля добра, сдѣланная вами, не пропадетъ даромъ. Долго-ли, коротко-ли продлится ваша жизнь, старайтесь больше сдѣлать добра. Помните, что вы работаете для себя, и что ни одна доля вашего труда не останется безъ награды. Что посѣете, то и пожнете сторицею. Не унывайте, если и не видите желаемаго успѣха въ добромъ дѣланіи,—не жалуйтесь на несправедливость, если видите, что ваши труды остаются не награжденными, ваши

Библиотека "Руниверс"

достоинства не оцѣниваются, добрыя стремленія не осуществляются, и даже сдѣланное вами добро какъ будто не приноситъ пользы ни вамъ, ни другимъ. На землѣ не ищите полной справедливости. Но будьте увѣрены въ Вѣчной справедливости, которая всему дастъ соотвѣтствующее возмездіе, у которой ни одинъ трудъ вашъ не останется безъ награды, ни одно доброе дѣло не будетъ безъ пользы.

Не унывайте, если случится и ослабѣть, поколебаться въ жизненномъ подвигѣ, забыться, упасть нравственно. Жизнь—скользкій путь; искушеній въ ней много, силы наши слабы. Если случится забыться и упасть, спѣшите опомниться скорѣе, раскаяться, подняться и при помощи Божіей опять за трудъ съ бо̀льшимъ усердіемъ. Но всего болѣе опасайтесь дойти до тупого равнодушія къ своему жизненному подвигу, къ нравственнымъ успѣхамъ и паденіямъ,—или до отчаянія въ своей способности на доброе и полезное дѣло. Помните, что какъ бы ни случилось человѣку огрубѣть и пасть нравственно, пока онъ живъ, для него есть всегда возможность исправленія и возвращенія на добрый путь—при помощи Божіей.

Въ равной степени опасайтесь и самообольщенія; не надѣйтесь много на свои силы и на свои успѣхи въ нравственной жизни. Самообольщеніе—опаснѣйшій врагъ нравственной жизни; отъ него очень близкій переходъ или къ самодовольству и нравственному отупѣнію или къ разочарованію, унынію и отчаянію. Постоянно старайтесь наблюдать за собою, повѣрять свои силы, свои дѣла, свои внутреннія побужденія и стремленія. Всего же болѣе помните, что человѣкъ самъ по себѣ, съ однимъ своимъ умомъ и съ однѣми своими силами, не можетъ ни выполнить своей жизненной задачи, ни даже уразумѣть ее. Обращайтесь къ свѣту вѣры, чтобы прояснить для себя смыслъ и задачу жизни; молите Бога о помощи, чтобы онъ сохранилъ, направилъ и укрѣпилъ васъ на жизненномъ пути.

Библиотека "Руниверс"

Съ Богомъ, други, съ Богомъ на жизненный путь! Безъ Бога путь жизни теменъ, жестокъ, скользокъ, пустъ, безсмысленъ, безпокоенъ, безотраденъ. Съ Богомъ онъ свѣтелъ, миренъ, твердъ, вѣренъ,—полонъ глубокаго смысла, силы, надежды, отрады.— «Скажи мнѣ, Господи, путь, въ оньже пойду», взываетъ человѣкъ, облекаемый мракомъ жизни, (псал. CXLII, 8).— «Азъ есмь путь, истина и животъ», говоритъ Господь, принесшій свѣтъ небесный во тьмѣ и сѣни смертной сидящимъ. (Іоан. XIV, 6).

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Главныя положенія, раскрывающіяся въ трактатѣ о жизни.

I. Вопросъ о смыслѣ и цѣли жизни есть важнѣйшій вопросъ для всякаго человѣка. Этотъ вопросъ неотразимо стоитъ передъ сознаніемъ людей во всѣ времена, предъ всѣми человѣческими поколѣніями, на всѣхъ ступеняхъ человѣческаго развитія. Надъ разъясненіемъ этого вопроса работали глубочайшіе и благороднѣйшіе умы. Рѣшенія этому вопросу въ разныя времена давались очень разнообразныя: но единственное, твердое и успокоительное, разрѣшеніе ему дается Божественнымъ Откровеніемъ. Стр. 1—7.

II. Жизнь не есть наслажденіе, веселый пиръ. Эвдемонистически-животное отношеніе къ жизни разрушается самою жизнью. Стр. 7—12.

III. Жизнь человѣческая въ настоящемъ ея состояніи не есть чистое осуществленіе высшихъ идеаловъ истины, добра, красоты, правды, любви.... Слишкомъ возвышенный, но фальшивый, идеалистическій взглядъ на жизнь вызываетъ множество противорѣчій и разочарованій опять въ самой же жизни—личной и общественной. Стр. 12—21.

IV. Нельзя успокоиться и на томъ оптимистическомъ воззрѣніи, что хотя жизнь отдѣльныхъ людей, поколѣній и народовъ представляетъ много ненормальнаго и несчастнаго, но въ цѣломъ — общемъ теченіи жизне человѣчества пред-

Библиотека "Руниверс"

ставляетъ будто бы гармонію и совершенство, постоянный прогрессъ, постепенное приближеніе къ осуществленію высшихъ идеаловъ истины, добра и счастія, которые наконецъ и будутъ вполнѣ достигнуты человѣчествомъ въ отдаленнѣйшія времена. И въ этомъ взглядѣ много преувеличеннаго и фальшиваго. Не всякая историческая эпоха является эпохою прогресса; прогрессъ человѣчества въ различныя историческія эпохи представляетъ одностороннія направленія; умственный и техническій прогрессъ часто не соединяется съ нравственнымъ. И вообще прогрессъ историческій не даетъ твердаго ручательства въ постепенномъ и неуклонномъ приближеніи человѣчества къ идеаламъ истины, добра и счастія, а тѣмъ болѣе въ полномъ осуществленіи этихъ идеаловъ въ жизни хотя бы и въ отдаленнѣйшихъ человѣческихъ поколѣніяхъ. Если бы въ концѣ концовъ это и было достигнуто въ какомъ либо отдаленнѣшемъ идеальномъ поколѣніи, едва ли это могло бы служить утѣшеніемъ для поколѣній предшествующихъ, живущихъ, страдающихъ, заблуждающихся и сходящихъ съ историческаго поприща далеко не въ идеальномъ состояніи. При настоящихъ ненормальныхъ условіяхъ человѣческой жизни люди даже и представить себѣ не могутъ такого идеальнаго состоянія жизни. Стр. 21—32.

V. Жизнь человѣческая въ настоящемъ ея состояніи несомнѣнно представляетъ смѣшеніе и борьбу явленій истины и заблужденія, добра и зла, удовольствія и страданія, борьбу оканчивающуюся для всѣхъ людей смертью. Но несправедливо было бы отсюда выводить такое заключеніе, будто и самый основной законъ жизни и ея внутренній смыслъ и конечная цѣль заключается въ противорѣчіи и борьбѣ. Дуалистическія и пессимистическія ученія о жизни противорѣчатъ кореннымъ логическимъ требованіямъ разума, лучшимъ

Библиотека "Руниверс"

стремленіямъ и чаяніямъ человѣческаго сердца и могутъ сопровождаться въ практической нравственной жизни самыми дурными примѣненіями. Стр. 32—37.

VI. Тѣмъ болѣе поверхностны и несправедливы такія сужденія о жизни, будто жизнь въ самой сущности и основѣ своей есть зло, несчастіе, страданіе, вѣчное проклятіе—вѣчная иронія Высшей Судьбы, пустая и глупая шутка, даръ случайный и напрасный.... Такія сужденія о жизни если и высказывались иногда умными людьми, то только въ смыслѣ необдуманной и неосторожной фразы или подъ вліяніемъ какихъ либо случайныхъ ненормальныхъ болѣзненныхъ впечатлѣній и настроеній; серьезнаго значенія имъ, конечно, придавать нельзя. Стр. 37—39.

VII. Не могутъ также имѣть серьезнаго значенія такія представленія о жизни, будто вся жизнь есть только иллюзія, призракъ, миражъ, сонъ. Такія представленія, появлявшіяся въ связи съ древними пантеистическими ученіями и нѣкоторыми новыми крайне-идеалистическими философскими системами, запутываютъ въ противорѣчіяхъ вопросъ о жизни и находятъ себѣ опроверженіе въ живомъ непосредственномъ сознаніи человѣкомъ своего собственнаго существованія и существованія внѣшняго міра. Стр. 40—42.

VIII. Наконецъ не могутъ быть признаны состоятельными ученія новыхъ матеріалистовъ, будто жизнь есть только подчиненный законъ необходимости, матеріальный, механическій процессъ, въ которомъ нечего и искать внутренняго духовнаго смысла или какихъ либо высшихъ цѣлей,—или ученія позитивистовъ, что намъ могутъ быть доступны лишь внѣшнія явленія и отношенія жизни, а потому будто нечего и задаваться вопросами о внутренней сущности, смыслѣ и цѣли ея. Такіе вопросы только на время, при упадкѣ

Библиотека "Руниверс"

философской мысли или грубо матеріальномъ направленіи жизни, могутъ быть заглушаемы и отстраняемы въ человѣческомъ сознаніи, но никогда не могутъ быть заглушены и устранены въ немъ окончательно. Стр. 43—47

IX. Единственное, твердое и успокоительное разъясненіе вопроса о жизни даетъ ученіе христіанское, основанное на Божественномъ Откровеніи. Въ этомъ ученіи обнимаются и утверждаются всѣ лучшія идеи — всѣ отдѣльныя крупицы истины, заключающіяся въ другихъ человѣческихъ ученіяхъ о жизни, и устраняются крайности, противорѣчія, произвольныя и ложныя измышленія этихъ человѣческихъ ученій. Въ христіанскомъ ученіи наилучшимъ образомъ разъясняются важнѣйшія существеннѣйшія стороны вопроса о жизни, издавна затрогивающія человѣческую мысль и чувство, примиряются мучительнѣйшія недоразумѣнія, затрудненія и противорѣчія,—и все это вполнѣ удовлетворительно для разума, успокоительно для чувства и согласно съ показаніями самаго жизненнаго опыта. Стр. 48—54.

X. Изложеніе и раскрытіе христіанскаго ученія о смыслѣ жизни. Стр. 54—67.

XI. Практическіе выводы и примѣненія. Стр. 67 — 72.

XII. Главныя положенія. Стр. 72—76.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"